

Александр Латкин

ЭКОНОМИКА НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ

Размышления ученого о становлении науки
на Дальнем Востоке, ее сегодняшнем дне
и перспективах

Владивосток
Дальнаука
2015

УДК
ББК

Александр Латкин. Экономика научных открытий: Размышления ученого о становлении науки на Дальнем Востоке, ее сегодняшнем дне и перспективах. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 128 с.

ISBN 978-5-8044-1567-0

Новая книга доктора экономических наук, профессора Александра ЛАТКИНА рассказывает о становлении, развитии, сегодняшнем дне и перспективах дальневосточной науки. Автору посчастливилось принимать непосредственное участие в создании на берегах Тихого океана мощнейшего научно-исследовательского комплекса, работать с известными учеными, многие из которых стали его друзьями, стоять у истоков создания научных школ, принесших российскому Дальнему Востоку мировую славу. На его счету – создание первого в регионе частного НИИ, работа в вузах, подготовка кандидатов и докторов наук. Его воспоминания о событиях и людях, рассуждения о судьбе дальневосточной науки и размышления о том, как сохранить мощнейший научный потенциал и направить его на развитие территории, читатель найдет в этой книге.

ISBN 978-5-8044-1567-0

© А.П. Латкин, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	4
От судостроителя до организатора науки.....	7
В кругу больших ученых	17
Время грандиозного строительства.....	39
Первые итоги и новые задачи.....	60
От государственной науки к частному институту.....	80
Преподавательская миссия ученого.....	99
Есть ли будущее у большой науки?	114

От автора

Желание написать эту книгу возникло у меня еще в те далекие социалистические времена, когда на Дальнем Востоке по решению советского правительства развернулась масштабная работа по созданию уникального по своей океанической специализации Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Как непосредственному участнику этого процесса, которому в 1975 году было доверено осуществлять партийное руководство формированием кадрового потенциала и материально-технической базы академической науки в самом отдаленном, но стратегически важном для страны регионе, мне посчастливилось решать эту задачу в каждодневном общении с академиками А. А. Вороновым, А. И. Крушановым, Н. А. Шило, В. И. Ильичёвым, М. Д. Агеевым, А. В. Жирмунским, Ю. А. Косыгиним, Г. Б. Еляковым, членами-корреспондентами А. П. Капицей, И. И. Брехманом, Е. В. Золотовым, В. П. Чичкановым, Ю. С. Оводовым М. Н. Бабушкиным и многими, многими другими. Их я не могу и не имею права забыть никогда.

Но не только из кресла партийного куратора я осуществлял руководство этим интереснейшим и масштабным процессом. В 1983 году я перешел на должность главного ученого секретаря и члена президиума ДВНЦ, а с 1988 по 1992 был заместителем уникального для стратегического развития страны Института международных и экономических проблем освоения ресурсов океана. Многое было сделано в те годы, и это стало основой устойчивого развития научно-технического, производственного и интеллектуального потен-

циала дальневосточного экономического района. В начале 90-х, когда рыночные реформы коснулись и академической науки, я возглавил первый на Дальнем Востоке частный научно-исследовательский институт.

Большой опыт научного менеджмента и подвигнул меня к тому, чтобы подготовить это издание. Сейчас, по истечении 40 лет, которые для Дальнего Востока стали временем больших и, наверное, неоправданных испытаний с ниспадающей кривой разрушения накопленного ранее научно-технического, демографического и производственного потенциалов, у меня есть глубокое убеждение в разумности того исторически значимого периода, когда ученые с большой буквы и совсем молодые исследователи со всех уголков страны приехали на необжитые берега Тихого океана ради самого святого – реализации своих научных замыслов и амбиций.

Благодаря именно их вкладу состоялись известные и признанные во всем мире дальневосточные научные школы практически во всех отраслях наук. На этой основе значительно выросли уровни высшего образования и промышленного производства, укрепилась вера дальневосточников и особенно молодежи в перспективность работы и жизни в этом суровом, но чрезвычайно богатом природными ресурсами регионе.

Многое изменилось с тех пор. Обидно, но в основном в худшую сторону. И от тех достигнутых в прошлом столетии высоких параметров академической науки во Владивостоке, Хабаровске, Биробиджане, Благовещенске, Петропавловске-Камчатском, Магадане, Анадыре, Южно-Сахалинске осталось меньше половины.

Опустел и президиум Дальневосточного отделения РАН. Но, слава Богу, в его подвальном этаже сохранились архивные материалы. Несколько дней я не мог оторваться от их просмотра, потому что в них, в этих материалах, сохранились лица людей, которых уже нет. Сохранились отчеты о проведении уникальных научных исследований в институтских лабораториях и на стационарах, в морских экспедициях по всем районам Мирового океана. Сохранились жизнерадостные лица молодых и уже немолодых ученых, занятых оказанием помощи подшефным сельскохозяйственным предприятиям региона.

И мне стало понятно, что сделанное тогда, в 70-е годы прошлого столетия, является несопоставимо более значительным для страны и ее окраинных территорий, чем многие прошедшие перед нашими глазами в новейшей российской истории инициативы восстановления былой динамики социально-экономического развития Дальнего Востока, которые пока не приносят адекватных, сопоставимых с понесенными затратами результатов.

Например, самым значимым событием для развития Дальневосточного региона сегодня принято считать проведенный в 2012 году саммит АТЭС. Некоторые политические лидеры федерального и регионального уровней именно его называют грандиозным проектом по привлечению на российский Дальний Восток бюджетных и внебюджетных инвестиций. Да, на строительство инфраструктуры для проведения саммита было привлечено около 680 млрд. рублей. Но десятки инвестиционных проектов, продекларированных в подготовительный период для создания в Приморском крае нефтехимического, кораблестроительного, рыбоперерабатывающего и туристско-рекреационного кластеров, по сей день остаются нереализованными, развеивая надежды людей на новые рабочие места и лучшие времена в обозримом будущем.

Сложный период переживает сейчас и академическая наука: значительно сократился и объем финансирования, и численность сотрудников, и количество выполняемых исследований. Но самое печальное то, что практически до нулевой отметки упала их востребованность предприятиями производства и бизнеса, региональными и муниципальными властями.

Очень хочется верить, что это временный период. Потому что сохранился еще научный потенциал, здания и оборудование институтов, а самое главное – плеяда хороших ученых, включая моих единомышленников и друзей.

На этом убеждении и огромном желании в правдивой и доступной форме раскрыть стратегический замысел и реализацию национального проекта создания высокоразвитого научного потенциала на Дальнем Востоке как основы превращения этого самого крупного и богатого природными ресурсами региона в самодостаточную территорию комфортной жизни людей сформировалось решение о подготовке настоящего издания.

От судостроителя до организатора науки

Когда сегодня, с высоты прожитых лет, оглядываюсь назад, часто задаюсь вопросом: почему именно мне, деревенскому мальчишке, выросшему без отца в большой многодетной семье, выпала счастливая судьба связать свою жизнь с наукой? Причем не только самому активно участвовать в исследовательской деятельности, но и быть одним из организаторов системы управления процессом формирования и развития Дальневосточного научного центра, многие школы которого теперь известны в России и далеко за ее пределами; долгие годы руководить негосударственным научно-исследовательским институтом конъюнктуры и прогнозирования, выполнившим десятки исследовательских проектов для российского Приморья и активно работавшим по заказам Японии, США, Республики Кореи и других стран. Счастливая цепь совпадений стала в итоге моей судьбой, делом моей жизни...

В далеком 1962 году я 16-летним юношей приехал во Владивосток поступать в институт, и о науке еще не имел ни

малейшего представления. Но вот амбиций, как и у многих мальчишек Страны Советов, было хоть отбавляй. В Дальневосточном политехническом институте им. В.В. Куйбышева я выбрал специальность, где был самый большой конкурс, и именно туда подал документы. Вполне успешно, как мне тогда казалось, сдал экзамены и уехал домой, в Хабаровский край, ждать приглашения на зачисление. Но время шло, а меня никто не приглашал. Не выдержал, позвонил в деканат. И оказалось, что для поступления на престижную специальность «Электропривод и автоматизация производства» мне не хватило 1 балла.

Дома ничего об этом не сказал, поехал во Владивосток забирать документы. А в ДВПИ мне предложили пойти учиться в ДВГУ на вечернее отделение физико-математического факультета. Поскольку возвращаться домой побежденным очень не хотелось, — я был пятым ребенком в семье и получить высшее образование было моей целью, — я согласился. Но единственным условием обучения на вечернем отделении была справка с места работы. Пошел работать на «Дальзавод» учеником судосборщика в судоремонтный цех. Так на 10 ближайших лет, сам того еще не подозревая, я связал свою судьбу с кораблестроением.

Поскольку я был студентом вечернего отделения, то работал половину рабочего дня, потом шел в библиотеку, потом — на учебу. Учиться было безумно интересно. И именно тогда я впервые ощутил вкус настоящей исследовательской работы. Но и работа на заводе меня все больше увлекала: по-мальчишески радовался, когда отремонтированная с моим участием подводная лодка покидала сухой док, величаво выходя в бухту Золотой Рог.

Наблюдая за моим рвением стать хорошим профессионалом, меня пригласил к себе начальник цеха и посоветовал перевестись в ДВПИ на кораблестроительный факультет. Так я стал студентом Дальневосточного политехнического института.

Поскольку трудолюбие было привито мне с раннего детства: в деревне у нас было большое хозяйство, и лет с десяти я ощущал себя помощником по дому и кормильцем, учиться было легко. На втором курсе судьба свела меня с Викторией Ивановной КУДРЯВЦЕВОЙ — она очень интересно читала у нас лекции по высшей математике, а параллельно осваивала с нами, молодыми пацанами, новый вычислительный комплекс «Минск-22». На этой машине я сделал свою первую научно-исследовательскую работу, результаты которой озвучил на студенческой научно-практической конференции.

Стоит отметить, что в эти годы увлечение наукой в студенческой среде было просто повальным. И государство это рвение молодежи поддерживало. В каждом институте было создано свое научно-исследовательское студенческое общество. Молодежь показывала неплохие результаты, со-

В гостях у Тита Петровича Самойлова на Горно-таежной станции с профессором Е. П. Аникиным

ревнуюсь между собой, дискутируя на конференциях и симпозиумах. Меня тоже тянуло в науку, и уже к четвертому курсу я определился с предметом своих научных изысканий – меня все больше интересовала тема прочности корабельных сооружений. Под свое крыло меня взял тогда профессор Евгений Петрович АНИКИН, предложив заниматься проблемой обеспечения прочности корпуса морских судов. Вообще надо признать, что те времена были близки к ломоносовским по духу, который царил в высшей школе. Профессора относились к молодежи просто, по-отечески. Например, не раз мы собирались у Евгения Петровича дома, его жена Тамара Николаевна пекла нам пирожки, а мы увлеченно беседовали о науке.

Читателю может показаться, что мы, физики до мозга костей, только и занимались тем, что чертили, решали, проектировали, то есть решали сугубо технические задачи. Но это не совсем так. Лирика нам, технарям, тоже была отнюдь не чужда. В свободное от учебы и научной работы

Начальник СКБ А. Латкин и зав. аспирантурой В. Титов за обсуждением научного будущего студентов

время мы увлекались поэзией и даже соревновались в том, кто дольше может без остановки читать наизусть стихи Маяковского, Пушкина, Лермонтова, Есенина. Кроме этого, я освоил музыкальные инструменты, с удовольствием в качестве конферансье проводил различные вечера, писал дневники. Все это вкупе формировало ученого как разностороннюю личность. Поэтому у людей нашей эпохи и нет проблем с написанием научных статей, журнальных публикаций, выступлением на конференциях и симпозиумах. У молодого поколения, к моему большому сожалению, эти навыки не всегда присутствуют.

В 1969 году я окончил ДВПИ с отличием, и сразу две кафедры предложили мне место в аспирантуре. Но судьба вновь поставила меня перед выбором: ректор ДВПИ Мстислав Георгиевич МОРОЗОВ предложил возглавить студенческое конструкторское бюро. Помещение, коллектив и зарплата к этой должности прилагались, а вот заказы нужно было искать самостоятельно. Всю ночь я взвешивал все «за» и «против», все-таки на второй чаше весов была аспирантура, но утром дал свое согласие и начал работать. В аспирантуру поступил на заочное отделение.

Стоит отметить, что СКБ в то время имели очень большое воспитательное значение. Представьте себе, нам, вчерашним мальчишкам, руководство института выделяло помещения, мебель, лабораторное оборудование. Единственное, чего нам не давали, так это денег на заработную плату. Мотивировали тем, что мы должны сами зарабатывать на заказах и хоздоговорных работах. А это было весьма не просто. Даже научно-исследовательские институты не могли получить хоздоговорные работы. А мы, студенты, заказы получали.

После стажировки в Прибалтике – СКБ Политехнического института г. Вильнюса гремело тогда на весь Советский Союз и было передовым во всех отношениях – появилась определенность: я понял, что студенты вполне могут

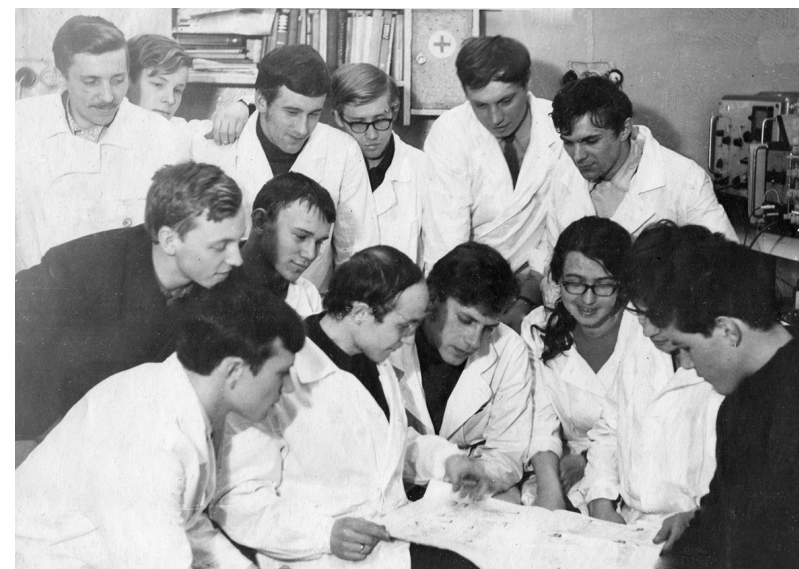

Первая встреча с начальником СКБ с желающими стать его сотрудниками студентами-старшекурсниками

сами находить и выполнять заказы. Мы создали в СКБ несколько отделов с учетом факультетов, которые были в институте, и приступили к работе. Достаточно быстро СКБ заявило о себе, хотя тогда не было Интернета, собственных сайтов и рекламы в газетах и на телевидении. Мы обзванивали потенциальных клиентов, предлагали им свои услуги, правда, иногда намеренно опускали из названия нашего конструкторского бюро слово «студенческое». И первый заказ мы получили от управления сельского хозяйства Приморского края. Нам поручили разработку технических средств для погрузки и разгрузки пчелиных ульев. Заказ мы успешно выполнили. Потом было задание от лаборатории акустики филиала Института океанологии им. Ширшова (г. Москва) на разработку подводного электроискрового разрядника для исследования прохождения звука на разных глубинах. Такой разрядник, включая созданный нами первый глубоководный аппарат, был сделан в стенах СКБ. Аprobацию аппарата в 1971 году проводили сотрудники Тихоокеанского океанологического института ДВНЦ АН СССР.

Третий заказ был от Биолого-почвенного института — мы сделали прибор для измерения электропроводности древесной ткани, с помощью которого можно было проводить диагностику состояния дерева. А наша четвертая разработка по модернизации приборов функционального состояния тяжелобольных пациентов, заказчиком которой был Владивостокский государственный медицинский институт, стала достоянием всей страны: на ВДНХ в 1973 году созданный СКБ приборный комплекс был удостоен серебряной медали.

Уже через три года своего существования СКБ завоевало широкое признание в Приморье и на Дальнем Востоке. В нескольких его отделах занимались исследованиями и выполняли опытно-конструкторские разработки свыше 50 студентов и преподавателей разных факультетов института. В стенах СКБ начинался карьерный рост нынешнего президента Владивостокского государственного университе-

Обсуждение научной идеи с руководителем отдела радиозлектронных систем Владимиром Павловичем Ковехом

та экономики и сервиса профессора Геннадия Иннокентьевича Лазарева, бывшего заместителя начальника Дальневосточного таможенного управления, кандидата технических наук В. П. Ковеха и многих других. Может быть, именно этот успешный опыт руководства СКБ стал основой для приглашения меня в 1972 году на руководящую должность Приморского крайкома ВЛКСМ.

Работая заведующим отделом Приморского крайкома ВЛКСМ, параллельно я учился в заочной аспирантуре и в 1975 году после успешной защиты диссертации на степень кандидата технических наук получил сразу несколько предложений. Меня звали продолжить карьеру в центральном комитете ВЛКСМ, но здесь, на Дальнем Востоке у меня была уже семья, мама и братья, и оставить их я не решился. А вот предложение приморского крайкома КПСС стать партийным куратором процесса становления и развития ДВНЦ — крупнейшее в стране и единственное на Дальнем Востоке научное объединение тогда только начинало формироваться — меня очень заинтересовало.

Стоит отметить, что к тому моменту у меня уже был опыт общения с большими учеными. В процессе подготовки кандидатской диссертации я имел удовольствие работать со многими состоявшимися в науке людьми.

Первым моим учителем на этой стезе стал Евгений Петрович Аникин, о котором я уже говорил выше. Работая вместе с ним над кандидатской диссертацией — а именно он был моим научным руководителем, мы дни и ночи проводили в лаборатории, ставя научные эксперименты. Избороздили на сухогрузах весь Дальневосточный бассейн: выходили в рейсы и в реальных штормовых условиях проводили целую измерения прочности корпуса морского судна. Причем я даже набирался наглости, поднимался ночью на капитанский мостик и просил вахтенного помощника капитана создавать по возможности наиболее критические ситуации, ведь наше исследование должно было иметь прикладной характер.

У Евгения Петровича я многому научился не только как у ученого. Он был человеком с большой буквы. Пережив в молодости оборону Ленинграда, он понимал, что жизнь складывается не просто, поэтому ко мне, как к человеку из многодетной семьи, делающему первые шаги в науке и не имеющему богатых родителей или высокопоставленных покровителей, он относился по-отечески тепло и благожелательно. Я у него научился тому, что мне потом очень помогло в дальнейшем общении, — интеллигентному и уважительному отношению к людям, независимо от их материального и профессионального положения.

Вторым человеком из плеяды больших ученых, с которым мне посчастливилось познакомиться, стал профессор ДАВЫДОВ — именно он стоял у истоков теории прочности морских судов, которой я так увлеченно занимался. Я понимал, что, прежде чем сделать выводы по своей научной работе, мне нужно повстречаться с основоположником теории, последователем которой я являюсь. Набрался смелости и полетел в г. Горький на встречу с профессором. Он был очень занятым человеком, мне пришлось его долго ждать, но когда он освободился и узнал, что я из Владивостока, молодой аспирант, работающий над проблемой, которой он начинал заниматься, уделил мне много времени. Мы с ним долго беседовали, хотя разница в возрасте и в статусе у нас была очень большая. Он был заведующий кафедрой, доктор технических наук, человек с именем в науке, а я — молодой аспирант. Тем не менее его поддержка чрезвычайно много для меня значила. Это был второй опыт общения с ученым, имеющим признание во всем мире.

До вхождения в систему ДВНЦ я также познакомился с Михаилом Дмитриевичем АГЕЕВЫМ. Он был назначен моим оппонентом при защите кандидатской диссертации. Когда я впервые пришел к нему, то увидел достаточно сухого, не слишком говорливого человека. Но он отлично знал свое дело. Михаил Дмитриевич согласился быть моим оппонен-

том, и у нас в ходе ознакомления с диссертацией установились очень теплые отношения. Потом он стал академиком, известным ученым, директором Института проблем морских технологий Дальневосточного научного центра, автором создания глубоководных аппаратов для исследования океана, которые вошли в самые лучшие мировые образцы.

Таким образом, к тому моменту как я получил предложение от крайкома партии стать куратором ДВНЦ, я уже имел опыт общения с людьми этого круга. Мне было интересно этот опыт закрепить, развить, и я дал согласие очень скоро. Меня представили председателю президиума ДВНЦ Андрею Петровичу КАПИЦЕ. И эта встреча определила мою судьбу на ближайшие 20 лет...

Тогда, в 1975, фактически только начиналось формирование Дальневосточного научного центра. И мне, тридцатилетнему, предстояло стать непосредственным организатором крупнейшего в стране и единственного на Дальнем Востоке научного объединения, на базе которого можно было эффективно развивать Дальневосточный регион.

В кругу больших ученых

Постановление Совета министров о создании ДВНЦ было подписано в 1970 году. Но создавался Центр не на пустом месте.

Давний патриот дальневосточного края, вице-президент АН СССР Владимир Леонтьевич КОМАРОВ долго вынашивал идею создания на берегах Тихого океана академического подразделения. Усилия ученого нашли поддержку, и в 1932 году Академия наук создала во Владивостоке свой Дальневосточный филиал – первое академическое учреждение на востоке страны. Филиал был организован на базе Дальневосточной горно-таежной станции. В середине 1939 года вследствие сложной предвоенной обстановки деятельность филиала была временно прекращена. Но уже в 1943-м было принято решение о создании в Приморье Дальневосточной базы Академии наук СССР, в состав которой входили почвенно-ботанический, зоологический, химический и геологический секторы, Горно-таежная станция, заповедники «Кедровая падь» и «Супутинский». В 1949 году был восстановлен Дальневосточный филиал АН СССР, которому присвоили имя академика В. Л. Комарова. Появились

новые научные подразделения: Ботанический сад во Владивостоке и Служба Солнца в пос. Горнотаежное. В 1957-м, когда в Новосибирске создавалось Сибирское отделение АН СССР, в его состав вошел и Дальневосточный филиал. Это дало толчок к организации в регионе новых научно-исследовательских институтов. Среди них были Дальневосточный геологический институт, Биолого-почвенный институт, Институт биологически активных веществ в г. Владивостоке, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт в Магадане, Институт вулканологии на Камчатке, Комплексный научно-исследовательский институт в Хабаровске.

И уже 1 октября 1970 года на базе филиала был образован Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. В его состав вошли восемь действующих институтов, а в течение 1971-го организовалось еще пять: Институт химии, Институт автоматики и процессов управления, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Тихоокеанский институт географии во Владивостоке, а также Институт тектоники и геофизики в Хабаровске.

Примерно в это же время Приморский крайком КПСС определился и с кандидатурой председателя президиума. Предложение возглавить ДВНЦ было сделано члену-корреспонденту АН СССР Андрею Петровичу КАПИЦЕ.

В 1975 году я попал в атмосферу активного формирования Дальневосточного научного центра. Кругозор, как я сейчас оцениваю, у меня тогда был не очень широк. Зато были неплохие организаторские способности. После предложения Вячеслава Ивановича НИКОНОВА, заведующего отделом науки, и Виктора Павловича ЛОМАКИНА, первого секретаря Приморского крайкома КПСС, стать куратором ДВНЦ, я провел не одну бессонную ночь в раздумьях о том, как я буду руководить сообществом известных в стране уче-

КАПИЦА Андрей Петрович

Андрей Петрович Капица (1931–2011) – советский и российский географ и геоморфолог, заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой рационального природопользования географического факультета, член-корреспондент АН СССР (позднее – РАН) с 1970 года.

В 1953 году окончил географический факультет МГУ, после чего работал в лаборатории экспериментальной геоморфологии того же факультета. В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию «Морфология ледникового покрова Восточной Антарктиды», а в 1968 – и докторскую на тему «Подледный рельеф Антарктиды».

Участник четырех антарктических экспедиций. Руководитель геофизической экспедиции АН в Восточную Африку в 1967–1969 годах.

В 1966–1970 годах возглавлял географический факультет МГУ. В 1970 году избран членом-корреспондентом АН СССР и возглавил ДВНЦ АН СССР. В 1972-м выступил инициатором создания во Владивостоке Тихоокеанского института географии, став его первым директором. В 1977 году возвратился в Москву из-за болезни.

ных, ставших руководителями и членами президиума научного центра, директорами институтов.

Первая задача, которую я перед собой ставил, – войти в доверие этих людей. С одной стороны, мне самому очень хотелось стать «своим» в кругу больших ученых, с дру-

гой — партия рекомендовала присматривать за «вольнодумцами». Ведь деньги на создание центра выделялись немалые, поэтому ситуация должна была быть подконтрольна органам управления.

Вторая задача была еще сложнее: мне очень хотелось, чтобы меня приняли в научных коллективах. Безусловно, система партийной вертикали была тщательно выстроена: секретари парторганизаций были в каждом подразделении ДВНЦ. Я, конечно, мог опираться на них и через коллег по партии осуществлять руководство. Но мне действительно было интересно то, что происходило в коллективах, я хотел досконально понять, чем занимается фундаментальная наука, и внести свою лепту в создание новых институтов и направлений.

Как это, возможно, ни смешно звучит сегодня, но я хотел понравиться директорам институтов, заведующим лабораториями. Потому что я глубоко убежден (и в жизни это мое убеждение только подтверждается), что если ты будешь чем-то управлять, не являясь участником процесса и не пользуясь авторитетом, то ничего не получится. Поэтому я с головой погрузился в работу, и вместе с академической элитой мы обсуждали наиболее эффективные пути реализации возложенных на академический научный центр функций при рациональном использовании выделяемых государством финансовых средств для создания материально-технической базы.

Мне, как партийному куратору, нужно было принимать участие в планировании и подготовке вопросов развития центра на бюро крайкома КПСС, участвовать в их обсуждении на заседаниях партийного комитета Владивостокской группы учреждений научного центра, на партийных собраниях этих учреждений. Вся работа проводилась на принципах согласованности и поддержки со стороны председателя президиума ДВНЦ.

Первая встреча с Андреем Петровичем Капицей произошла на следующий день после моего назначения, в его кабинете. Это был большой во всех смыслах человек, очень спокойный и добродушный. Многие о нем говорили — «баловень судьбы». Ну, это отчасти можно было понять: сын Петра Леонидовича Капицы, брат не менее знаменитого Сергея Петровича Капицы. Эти личности были хорошо известны в советской и мировой науке.

Андрей Петрович не умел красно говорить, но он блестяще разбирался в организации науки вообще и географической в частности. Именно под него был создан Тихоокеанский институт географии.

В то время, когда Андрей Петрович приехал на Дальний Восток, подразделения Дальневосточного филиала находились в помещениях, совершенно не приспособленных для занятий наукой. И ему предстояло эту ситуацию изменить: выработать стратегию нового, крупнейшего в стране

За столом переговоров А. П. Капица, А. И. Крушанов, Б. Н. Славинский, Г. Б. Еляков, В. Г. Моисеенко и др.

научного центра, обосновать создание тех или иных научных подразделений, возглавить формирование грандиозной по своим масштабам материально-технической базы.

Мы с Андреем Петровичем, несмотря на существенное различие в наших «весовых» категориях, не один час провели в беседах о том, каким будет Дальневосточный научный центр. Хотя он вполне мог тогда рассудить: что мне какой-то Латкин, пацан с кандидатской степенью, буду общаться напрямую с Ломакиным. Но надо признать, что, во-первых, наша власть доверяла нам, молодым, и не поощряла, когда кто-то, даже с громким именем, скакал через голову. Тем более что моим непосредственным начальником в крайкоме партии был В. И. НИКОНОВ, заведующий отделом науки и высших учебных заведений. А во-вторых, сам Андрей Петрович, будучи человеком интеллигентным, был наделен тактом, умением слушать и уважать своих собеседников. Мне кажется, у него никогда не было желания смотреть на людей «свысока». И это стало основой наших деловых и человеческих отношений. А после следующей истории мы, можно сказать, даже подружились. Дело было так. Наряду с тем, что мы регулярно встречались на заседаниях президиума либо в отделе науки и учебных заведений Приморского крайкома КПСС, нам приходилось вместе участвовать в партийных собраниях институтов, причем иногда при обсуждении «персональных» дел атмосфера порой накалялась до предела.

С учетом научной статусности и своего московского стиля восприятия проблем большой науки Андрей Петрович на собраниях, касающихся личных проблем сотрудников, чувствовал себя, прямо скажем, не в своей тарелке. После одного такого собрания, когда мы три часа обсуждали «поведение» молодого ученого, Андрей Петрович предложил меня подвезти. Помню, как мы едем на его уазике, и тут Андрей Петрович просит шофера остановиться, занимает у меня три рубля и отправляет водителя в магазин — за бутылкой водки

и колбасой. «Я впервые участвовал вот в таком разбирательстве, — говорит он мне, — тут человеческие судьбы на кону, я так перенервничал... Надо как-то снять стресс».

Мы налили в граненые стаканы водки, выпили, закусили колбасой — и тогда я понял, что все, лед растаял и контакт между нами установлен.

Три года мы потом с Андреем Петровичем работали очень плодотворно. Потом, в 1978 году, он уехал с Дальнего Востока.

Вторым человеком, с которым я познакомился в президиуме ДВНЦ, был первый заместитель председателя, академик Авенир Аркадьевич ВОРОНОВ. Седой, стройный, всегда подтянутый, чрезвычайно интеллигентный и очень грамотный в точных науках человек, большой специалист по системам управления. Он никогда не повышал голос,

*Андрей Петрович Капица на юбилее
Тихоокеанского института географии*

ВОРОНОВ Авенир Аркадьевич

Авенир Аркадьевич Воронов (1910–1992) – советский ученый в области теории автоматического управления, академик АН СССР (1970). Родился в Ораниенбауме (ныне Ломоносов Ленинградской области).

В 1938 году окончил Ленинградский политехнический институт и работал инженером на ГРЭС в г. Балахна Горьковской области. С 7 сентября 1939 года на службе в Красной Армии. Участник советско-финской войны. Во время Великой Отечественной войны служил в артиллерии. В ходе Битвы за Москву командовал артиллерийской батареей.

С 1946 года преподаватель МВТУ им. Н.Э. Баумана, с 1948 сотрудник Института автоматики и телемеханики (ныне Институт проблем управления), в 1955–1964 заместитель директора Института электромеханики АН СССР.

В 1964–1970 заместитель директора Института проблем управления, с 1971 года – директор Института автоматики и процессов управления Дальневосточного научного центра АН СССР.

В 1980 вернулся в Москву во ВНИИСИ, где явился одним из организаторов Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации РАН. В 1988 году получил Ленинскую премию.

всегда очень вежливо и внимательно слушал собеседников. И если Андрей Петрович Капица настаивал на том, чтобы в ДВНЦ наиболее сильной была биологическая составляющая – он говорил о создании Института биологии моря, Института биоорганической химии, усилении Биологического почвенного института, то Воронов в основном отстаивал технические науки. И именно тогда по рекомендации и настоянию Воронова был создан Институт автоматики и процессов управления.

Третьей очень значимой в то время в ДВНЦ личностью был Андрей Иванович КРУШАНОВ – фронтовик, человек из местной научной элиты. Андрей Иванович был историком, впоследствии стал академиком и курировал в ДВНЦ общественные науки. Он был прекраснейшим оратором и сильнейшим организатором, человеком, очень преданным партии. Поэтому меня, как партийного куратора, взял под свое крыло и никому не давал в обиду.

Если говорить об Андрее Ивановиче, то тут стоит вспомнить несколько моментов. Он был очень опрятным, дисциплинированным человеком, и его отличало отличное здоровье. Каждое утро, когда мы с ним встречались, он жал руку так, что моей руке было больно. И многие его коллеги именно по этой причине боялись здороваться с ним за руку. Такое здоровье он имел благодаря своему стилю жизни. Например, мы неоднократно были с ним в Москве, и всегда рано утром, каким бы тяжелым ни был предыдущий день, он звонил мне, и мы выходили на утреннюю прогулку обговорить планы предстоящего дня. Гуляли, несмотря на погоду и время года, обсуждая те вопросы, которые нам предстояло решить в Академии наук. Мне было очень приятно, что, несмотря на разницу в возрасте, он относился ко мне очень хорошо. Не чурался пригласить меня вечером в ресторан. Иногда к нам присоединялись его близкие друзья – ученые. Со стороны, может быть, это смотрелось смешно – сидит молодой человек, а рядом с ним уважаемые люди, убеленные

КРУШАНОВ
Андрей Иванович

Андрей Иванович Крушанов (1921–1991) – советский историк, академик АН СССР (1987; член-корреспондент с 1970). Окончил исторический факультет Владивостокского педагогического института (1949).

Исследователь истории Дальнего Востока 19–20 вв. С 1958 заведующий отделом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, заместитель председателя Дальневосточного научного центра АН СССР.

сединами. Но меня это не смущало. Это была наша команда. И я думаю, в том, что нам удалось сформировать такой костяк единомышленников, была большая заслуга Андрея Ивановича Крушанова.

Здесь стоит упомянуть одну деталь из личной биографии. После того как я защитил кандидатскую диссертацию, я, конечно, мечтал о том, что стану доктором наук. Планировал дальше развивать тему прочности корабля. Даже во сне мне снились грандиозные проекты по этой теме.

Но когда я пришел в Дальневосточный научный центр, я увидел, какое масштабное дело затевается. Здесь, на Дальнем Востоке, создается крупнейший в стране научно-технический комплекс. И мы искренне верили, что он даст мощный толчок к развитию региона. Процесс увлек

меня настолько, что я стал писать докторскую диссертацию по проблеме управления крупными региональными научно-техническими комплексами. Я издал первые монографии, стал вполне достойным дискуссантом по этой теме. Нельзя не добавить, что по личному разрешению В. П. Ломакина в это время я работал по совместительству в отделе экономики Приморского края в только что созданном Институте экономики океана. В этом моем экономическом начинании Андрей Иванович Крушанов меня поддерживал. Примерно через полгода работы в ДВНЦ в этом кругу больших ученых я стал уже своим человеком.

После того как отношения с руководством ДВНЦ выстроились, нужно было налаживать связи с институтами. Там тоже были уникальные люди. И через некоторое время многие из них стали моими друзьями. Например, Филипп Георгиевич СТАРОС – крупнейший специалист по искусственному интеллекту. Тогда в его лаборатории в Институте автоматике и процессов управления работали над тем, что сейчас используется в современных компьютерных технологиях. И я помню, он демонстрировал в крайкоме партии свои разработки и говорил, что через некоторое время в одном зернышке будет столько мегабайтов памяти, сколько включает весь человеческий мозг.

Дружили мы и с Израилем Ицковичем БРЕХМАНОМ. Он работал в Институте биоорганической химии. Благодаря этому институту и исследованиям Израиля Ицковича возникла широко известная сегодня теория желтого сахара. История этого изобретения такова: Уссурийский сахарный завод работал в то время на сахарном тростнике с Кубы. Этот желтый «грязный» сахар очищали и производили из него готовый продукт. Брехман тогда решил исследовать свойства желтого сахара и обнаружил в нем огромное количество биологически активных веществ – его энергетическая ценность была намного выше, чем у белого. На основе его разработок тогда стали производить первые

СТАРОС Филипп

Филипп Старос – учёный, один из создателей советской микроэлектроники, разведчик. Настоящее имя Альфред Саррант. Родился в США (по другим данным, в Греции). Окончил университет Купер Юнион. Магистр технических наук. С 1940 по 1950 гг. работал над созданием самолетных радиолокаторов и системы управления синхротроном в должностях инженера, начальника лаборатории, главного конструктора в компании «Вестерн Электрик» и на предприятии в Торонто (Канада), а также в Корнеллском университете (Нью-Йорк, США).

В 1955 году А. Саррант под именем Филипп Старос переехал с семьей в СССР из Чехословакии. Работал на секретных предприятиях, связанных с обороной. В 1960 году принял советское гражданство. В Ленинградском конструкторском бюро им создан первый в мире персональный компьютер.

По поручению Н. С. Хрущёва Ф. Старос стал научным руководителем создания Зеленограда – одного из основных советских центров производства радиоэлектронных приборов. Он был также создателем и научным руководителем научных центров в Киеве, Риге, Тбилиси, Ереване и Вильнюсе. С 1973 г. Ф. Старос – член президиума, заведующий отделом Дальневосточного научного центра АН СССР во Владивостоке.

Главный конструктор многих микроЭВМ, боевой информационно-управляющей системы «Узел» для дизельных подводных лодок проектов 641Б и 877. Доктор технических наук.

Израиль Ицкович Брехман на научном симпозиуме

биологически активные добавки, бальзам «Золотой Рог», который долгие годы был лучшим подарком из Владивостока для московских коллег.

Долгими зимними вечерами – а я был частым гостем Израïля Ицковича – мы с ним обсуждали и другую проблему: как вывести на рынок новую водку с уникальными свойствами. Водка «Золотое руно» была одним из его научных результатов, и ее главным достоинством было то, что она не давала похмельного синдрома.

Израïль Ицкович уже тогда понимал, что любому новшеству нужна коммерциализация, выход на рынок. И тогда возникла идея выбрать некоторый закрытый район, в котором можно было бы провести исследования. Нам пришла на ум Чукотка. Поскольку там тоже были наши учреждения, мы договорились, что для эксперимента возьмем какое-то поселение и в него на протяжении определенного

БРЕХМАН
Израиль Ицкович

Израиль Ицкович Брехман (1921, Самара – 9 июля 1994) – российский ученый-фармаколог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АН России, создатель валеологии, изобретатель многих препаратов.

В 1940 году, преодолев конкурс (21 человек на 1 место), поступил в Военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде. Затем ушел на фронт.

После окончания академии И. Брехман получил назначение на Тихоокеанский военно-морской флот. Занимался радиологией, токсикологией, продолжал испытывать открытый им прозамин на кораблях и в экстремальных условиях – на подводных лодках.

Научный коллектив под его руководством обогатил медицину адаптогенами, такими как женьшень, элеутерококк, рантарин – из рогов северного оленя, сайнтарин – из рогов сайги. На созданную в лаборатории И. Брехмана горькую настойку «Золотой Рог» с элеутерококком получены патенты в 11 странах Европы и в США.

времени будем поставлять только эту водку. Исследование проводилось совместно с Институтом биологических проблем Севера из Магадана. Перед экспериментом у всех жителей поселения взяли кровь на анализ, проверили ее и после

завершения эксперимента. Результаты оказались феноменальными, да и сами люди говорили о том, что после этой водки у них не было похмельного синдрома.

Своими старшим другом я могу назвать и Павла Андреевича ЛЕРА – директора Биолого-почвенного института. К нам он приехал из Казахстана и специализировался на энтомологии.

Под его руководством институт сделал большой шаг вперед. Я отличаю Павла Андреевича как чрезвычайно грамотного, интеллигентного человека. Его хозяйство было очень большим. В частности, он собрал в институте плеяду крупных ученых, осуществлял очень тесную связь с системой заповедников.

Под его началом развивался Уссурийский заповедник им. В.Л. Комарова. И я отлично помню нашу с ним первую встречу.

– Александр Павлович, – говорит он мне, встретив в коридоре научного института, – прежде чем руководить наукой, надо всю науку хорошо знать. Поедем-ка мы с тобой в Уссурийский заповедник. Я покажу тебе мемориальную избушку Комарова.

Так состоялось наше знакомство. В заповеднике, который потом я посещал не раз, можно было увидеть медведя, оленя, многих редких зверей, которые обитают в Уссурийской тайге. А избушка В.Л. Комарова располагалась на берегу чистой горной реки. В этом небольшом домике, в котором комната не превышала и 8 квадратных метров, когда-то творил известный исследователь Уссурийской тайги.

Неподалеку от этой избушки стоял деревянный директорский дом. Кроме этого, в заповеднике был построен двухэтажный особняк для приема в летний период ученых-ботаников со всего Советского Союза.

Особенно запомнился такой случай. Как-то мы повезли в это место профессора из Германии с женой. Лето, жара невыносимая. Доехали до села Каменушка. Там

Домик исследователя В. Л. Комарова
в Уссурийском заповеднике

небольшой музей с чучелами тигра и медведя, красивые фотографии тех мест. Профессор с женой все это увидели, восхитились, говорят: поехали дальше, хочется воочию посмотреть на такую.

Сели по машинам, едем. Тут они через переводчика спрашивают Павла Андреевича: а почему в этой деревне один человек кривой, второй — без руки. А Павел Андреевич воодушевленно так отвечает, что это результат укуса энцефалитных клещей. И далее следует подробный рассказ о том, что такое клещ и какие последствия от его укуса могут быть.

Немцы немного напряглись, но молчат. Приехали к дому Павла Андреевича, там стол накрыт на улице, рядом с колодцем. И тут жена немецкого профессора как закричит — увидела на завалинке возле дома клубок змей.

А Лер так спокойно ей говорит:

— Это обычное дело. Змей в этих местах много! Они здесь размножаются. Главное — не наступать на них. Правда, есть люди, у которых на змей дикая аллергия даже на расстоянии.

Я смотрю: наши коллеги из Германии, которые раньше никогда такого не видели, насторожились. Ну не зря же ехали — пошли смотреть избушку В.Л. Комарова. Посмотрели быстро-быстро и засобирались домой. Делать нечего, садимся в машину. Тут жена профессора показывает свою руку, а по ней ползет клещ, и за ним кровавый след тянется. Павел Андреевич снял его, взял спички у шофера, поджег, клещ на огне лопнул.

Но жену профессора это не успокоило, она в панике, ей кажется, что у нее по всему телу клещи ползают. И она требует немедленно ее осмотреть.

С большим трудом нашли в лесу избушку лесника, его жена осмотрела женщину и нашла у нее еще двух клещей на спине. Профессорша была настолько напугана про-

ЛЕР Павел Андреевич

Павел Андреевич Лер (1923–2005) – российский энтомолог, диптеролог, член-корреспондент Российской академии наук (1991; член-корреспондент АН СССР с 1987), в 1981–1991 гг. директор Биолого-почвенного института ДВНЦ РАН.

Окончил Казахский университет (Алма-Ата) в 1953 году, где преподавал в 1965–1973 гг. В 1973 приехал во Владивосток.

Основные исследования – по биологии ктырей, их использованию для борьбы с саранчой. Под его редакцией вышло несколько десятков сборников и трудов энтомологов Дальнего Востока, включая тома «Определитель насекомых Дальнего Востока России».

изошедшим, что по возвращении во Владивосток уговорила мужа поменять билеты, и на следующий день пара улетела в Германию. Представляю, что она рассказывала на родине о «страшной» России.

Чрезвычайно интересным человеком и моим большим другом был и Евгений Васильевич ЗОЛОТОВ. Математик, член президиума ДВНЦ, он решал много задач по развитию в Центре математических наук. Например, организовывал летние и осенние школы ведущих математиков страны. Он лично готовил программу, списывался, приглашал всех светил из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибир-

ска, которые в течение трех дней делали научные доклады. Это было очень интересное и нужное начинание.

Удивительно, но, несмотря на его довольно бесшабашный характер, Евгения Васильевича неоднократно в период летних отпусков назначали исполняющим обязанности председателя президиума. Искренне не любя управленческие хлопоты, он в эти периоды, используя солидные ресурсы научного центра, осуществлял многие свои организационные замыслы. При этом, хотя у него был свободлюбивый характер, любые начинания он всегда согласовывал с партийными органами, находя для убеждения весомую аргументацию.

Помню, как в один из летних дней он пришел ко мне в крайкомовский кабинет с предложением арендовать вертолет для посещения бухты Витязь. Тогда там шел процесс активного строительства лабораторий прямо на береговой полосе для проведения с западными академическими институтами исследований в заливе Петра Великого. Необходимость нашего экстренного полета он обосновал коллективным желанием прибывших из разных уголков страны ученых-математиков построить в бухте совершенно необходимый для научных дискуссий инфраструктурный объект – рубленную только докторами наук из бревен русскую баню... Потом долгие годы эта баня действительно была притягательным местом для наших гостей, формируя позитивный имидж Тихоокеанского побережья и российского Приморья.

Вот так по истечении нескольких лет у меня сложились прекрасные рабочие и человеческие отношения с ведущими учеными ДВНЦ. И теперь нам вместе предстояла огромная работа по разработке стратегии развития крупнейшего на Дальнем Востоке научного центра и воплощению этой стратегии в жизнь.

Этот период подарил мне очень много встреч с известными учеными, и они привили мне тягу к научным ис-

ЗОЛОТОВ Евгений Васильевич

Евгений Васильевич Золотов (1922–1990) – советский математик, академик АН СССР (1987). Был призван в Военно-артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского. По окончании академии служил в Научно-исследовательском институте стрельбы зенитной артиллерии Академии артиллерийских войск, который был переведен из Москвы в Евпаторию.

В 1962 году защитил первую в институте докторскую диссертацию.

Своими трудами он внес существенный вклад в создание и совершенствование зенитно-ракетных войск ПВО страны. Демобилизовался в 1968 году в звании инженера-полковника, продолжил свою научную деятельность в Калининском политехническом институте.

В 1970 году был приглашен на работу в Дальневосточный научный центр Академии наук СССР для создания и развития в регионе научных институтов физико-математического и технического профиля. В этом же году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. С 1970 по 1972 гг. заведовал отделом прикладной математики Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР. С 1972 по 1980 гг. Е. В. Золотов – заместитель председателя президиума ДВНЦ АН СССР.

В 1981 г. Е. В. Золотов становится директором созданного им Вычислительного центра ДВНЦ АН СССР в Хабаровске, членом президиума Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, председателем Совета по физико-математическим и техническим наукам ДВНЦ АН СССР.

Состав Президиума ДВНЦ АН СССР

Июль 1975 г.

- Капица А. П.** – член-корреспондент АН СССР, председатель
- Воронов А. А.** – академик, первый заместитель председателя
- Косыгин Ю. А.** – академик, заместитель председателя
- Шило Н. А.** – академик, заместитель председателя
- Еляков Г. Б.** – член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя
- Крушанов А. И.** – член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя
- Саляев Р. К.** – доктор биологических наук, заместитель председателя
- Дзизенко А. К.** – доктор химических наук, главный ученый секретарь
- Бабушкин М. Н.** – доктор технических наук, Хабаровский комплексный научно-исследовательский институт ДВНЦ АН СССР
- Гагаринский Ю. В.** – член-корреспондент АН СССР, Институт химии ДВНЦ АН СССР
- Жирмунский А. В.** – член-корреспондент АН СССР, Институт биологии моря ДВНЦ АН СССР
- Золотов Е. В.** – член-корреспондент АН СССР
- Ильичев В. И.** – доктор физико-математических наук, Тихоокеанский океанологический институт ДВНЦ АН СССР
- Контримавичус В. Л.** – член-корреспондент АН СССР, Институт биологических проблем Севера ДВНЦ АН СССР
- Моисеенко В. Г.** – кандидат геолого-минералогических наук, Дальневосточный геологический институт ДВНЦ АН СССР
- Радкевич Е. А.** – член-корреспондент АН СССР, Дальневосточный геологический институт ДВНЦ АН СССР
- Соловьев С. Л.** – член-корреспондент АН СССР, Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт ДВНЦ АН СССР
- Старос Ф. Г.** – доктор технических наук, Президиум ДВНЦ АН СССР
- Федотов С. А.** – член-корреспондент АН СССР, Институт вулканологии ДВНЦ АН СССР

следованиям и научили смотреть на мир через призму объективной научной реальности. Они, приехавшие на Дальний Восток внедрять передовую научную мысль, учили нас, дальневосточников, не мелочиться и не размениваться на политические дразги, обходить стороной склоки, прощать обиды, не скупиться на похвалу. Но, самое главное, они, великие мыслители XX века, учили нас дорожить людьми, не разбрасываться человеческими судьбами, а, наоборот, собирать по крупицам то ценное, что каждый отдельный человек в себе несет.

Время грандиозного строительства

До того момента, как я стал партийным куратором науки, такой должности в крайкоме партии не было. Теперь же, когда был создан один из крупнейших в СССР научных центров, необходимо было подготовить и обосновать траекторию развития. И партийные власти этот процесс строго контролировали.

Именно в ту пору, в 1978 году, у нас в ДВНЦ произошла большая беда — загорелся Дальневосточный геологический институт. Пожар начался в одной из лабораторий, распространился на все здание. Трагедия унесла жизни 12 научных сотрудников. Не знаю, было это связано со случившимся или нет, но председатель президиума Андрей Петрович Капица в этом же году покинул Дальний Восток.

На Политбюро ЦК КПСС довольно жестко был поставлен вопрос по дальнейшему развитию ДВНЦ. С одной стороны, нужно было делать оценку того, что уже сделано с 1970 года, с другой — определяться с вектором дальнейшего движения.

И здесь, на мой взгляд, наступил второй, очень интересный этап. Его начало было ознаменовано поиском новой команды управленцев.

Кандидатуру на должность председателя президиума мы рассматривали очень долго и в конце концов остановились на академике Николае Алексеевиче ШИЛО, который до этого возглавлял Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт в Магадане, был членом президиума ДВНЦ. Тогда в крайкоме было принято принципиальное решение — не приглашать больше на эту должность «варягов», а найти человека с опытом работы на Дальнем Востоке. Ведь ни для кого не было секретом, что многие директора институтов приезжали к нам исключительно за званием члена-корреспондента: для дальневосточников была установлена особая квота в Академии наук, и, поработав здесь какое-то время, можно было получить высокое научное звание.

С Николаем Алексеевичем мы были уже хорошо знакомы по совместному участию в заседаниях президиума, которые регулярно проходили во Владивостоке. Мы знали, что есть у академика Шило и недостатки. Один из них — до-

С академиком Николаем Алексеевичем Шило и коллегами в Институте автоматики и процессов управления

ходящая до капризности невосприимчивость того, что организовывалось без должного уважения к людям и к имеющимся у них заслугам. Этот недостаток, прямо скажем, не радовал партийное руководство Приморского края, да и самого ДВНЦ АН СССР. Многие рассказывали мне случай, когда, уже будучи директором института, он прилетел в Магадан и, не увидев на приаэропортовой площадке встречающей автомашины, тут же взял обратный билет, чтобы улететь тем же самолетом обратно.

Вместе с тем Николай Алексеевич был патриотом Дальнего Востока. Кроме этого, к моменту его назначения он имел опыт развития собственного института. Я полетел в Магадан, посмотрел на результаты его работы, и они были впечатляющими. Было принято решение рекомендовать его на должность председателя президиума. В 1978 году мы представили его кандидатуру, согласовали ее со всеми вышестоящими инстанциями, и началась наша совместная работа. Для меня она стала самой запомнившейся и самой полезной. Потом, когда Н. А. Шило уехал в Москву, я регулярно бывал у него в гостях в его московской квартире. Мы вспоминали за чаем смешные истории, наши совместные удачно и неудачно завершённые проекты.

Главная идея, которую новый президиум хотел претворить в жизнь, — максимально приблизить ученых к объекту исследования.

Поэтому за основу был взят территориально-отраслевой принцип формирования Дальневосточного научного центра. Теперь для того, чтобы развивать приоритетные направления, нужно было найти лидеров научных школ, которые могли бы повести за собой.

Некоторые позиции у нас были закрыты. Например, в 1973 году на должность директора самого главного тогда научно-исследовательского института — Океанологического — мы пригласили Виктора Ивановича ИЛЬИЧЁВА — он тогда только защитил докторскую диссертацию.

ШИЛО Николай Алексеевич

Николай Алексеевич Шило (1913–2008) – российский советский геолог, директор Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного научного центра АН СССР, академик АН СССР, председатель президиума ДВНЦ.

В 1932 году окончил рабочий факультет Грозненского нефтяного института. С 1937, после окончания геологоразведочного факультета Ленинградского горного института, работал в различных геологических организациях на северо-востоке России.

С марта 1950 года работал директором ВНИИ-1, сменив на этом посту С. П. Александрова.

В 1960 году Н. А. Шило стал директором Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного научного центра АН СССР (Магадан).

26 июня 1964 года был избран членом-корреспондентом, а 24 ноября 1970 – действительным членом (академиком) АН СССР.

В 1978 году Шило стал председателем президиума Дальневосточного научного центра АН СССР и переехал во Владивосток. Он руководил ДВНЦ в течение семи лет.

В последние годы жизни был советником РАН, жил и работал в городе Москве.

Виктор Иванович приехал на Дальний Восток с юга России вместе со своей женой Музой Васильевной. Она помогала ему во всем. Возглавив Тихоокеанский океанологический институт, он пригласил в ДВНЦ много видных ученых – этот институт был одним из самых крупных.

Академик Виктор Иванович Ильичёв передает символический ключ от Института биологии моря новому директору Владимиру Леонидовичу Касьянову

На опытно-экспериментальной базе этого института на о. Попова до сих пор сохранился «домик Ильичёва». Вместе с женой Виктор Иванович любил принимать там гостей, причем всегда у него, знаменитого академика, было подомашнему тепло и уютно: мы вместе ловили рыбу, варили уху, обсуждали научные проблемы, разговаривали о музыке и искусстве, пели песни.

Особенно запомнился случай, когда мне было поручено принимать делегацию во главе с Евгением Максимовичем ПРИМАКОВЫМ. В те годы в стране действовал сухой закон. Мы приехали к Виктору Ивановичу – огромный стол накрыт прямо на берегу моря, на нем – свежельовленные камбала и гребешок, вокруг – красота необыкновенная. Собралось человек 20 народу, а выпить нельзя. Собравшиеся сначала ко мне – мол, Александр Палыч, разреши как партийный руководитель. Но я не могу, со мной более высокое начальство – секретарь крайкома партии. А он категорически не соглашается – закон есть закон. И тут Евгений Максимович Примаков говорит: ну, партийным деятелям,

ИЛЬИЧЁВ
Виктор Иванович

Виктор Иванович Ильичёв (1932–1994) – советский и российский океанолог и гидробиолог, академик Академии наук СССР.

В 1955 году окончил Горьковский университет. Затем с 1955 по 1974 гг. работал в Акустическом институте. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1973 – докторскую. С 1974 по 1994 годы возглавлял Тихоокеанский океанологический институт ДВО РАН.

23 декабря 1976 года был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «гидрология». 29 декабря 1981 – академиком по специальности «океанология». С 1985 по 1990 был председателем президиума Дальневосточного научного центра АН СССР. С 28 октября 1987 по 25 апреля 1990 занимал должность вице-президента АН СССР.

может быть, пить и нельзя, а ученым, да еще на берегу моря, да под такую закуску ну просто грех не выпить. Так с его подачи на столе возник пакет с несколькими бутылками водки. Партийные лидеры посовещались, сменили гнев на милость и тоже присоединились к всеобщему празднику.

Ильичёв, кстати, уже потом, будучи председателем президиума ДВНЦ, очень поддерживал защиту моей докторской диссертации, и, когда я в Киеве вышел на защиту, там

в присутствии комиссии зачитали приветственную телеграмму от В. И. Ильичёва с весьма лестными отзывами обо мне. Было очень приятно.

В команду управленцев вошел также Георгий Борисович ЕЛЯКОВ, до этого он руководил Институтом биологически активных веществ, а к тому моменту уже всерьез думал о переименовании его в Институт биоорганической химии. Могу откровенно сказать, что у Георгия Борисовича всегда была ярко выраженная мотивация встать во главе Дальневосточного научного центра, которая впоследствии привела его к этой должности после неожиданной смерти В. И. Ильичёва.

На еще одно очень сильное в ДВНЦ направление – Институт биологии моря – мы пригласили очень известного в те годы в этой области человека, тоже фронтовика – Алексея Викторовича ЖИРМУНСКОГО.

В то время он был не женат, все свои силы и время отдавал науке. По его инициативе было построено здание Института биологии моря прямо на берегу Амурского залива. Предполагалось, что со стороны залива к институту будет пристроен океанариум. Но этой идее не суждено было сбыться – во время строительства фундамент института дал трещину, стройку остановили, проект несколько переформатировали и от океанариума отказались. Алексей Викторович внес огромный вклад в развитие биологической науки в ДВНЦ – и не случайно сегодня Институт биологии моря носит имя этого великого ученого.

Он был очень культурным человеком, «спасибо», «пожалуйста», «извините» постоянно звучало из его уст, хотя он и прошел в годы войны суровую школу жизни. А его застенчивость, как мне тогда казалось, даже мешала ему завести семью. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что он ухаживает за одной молодой женщиной, моей коллегой по комсомольской работе (она работала в комитете комсомола ДВНЦ) Надеждой ХРИСТОФОРОВОЙ. Потом

ЕЛЯКОВ
Георгий Борисович

Георгий Борисович Еляков (1929– 2005) – специалист в области органической химии природных соединений, академик РАН. В 1952 году окончил химический факультет МГУ, в 1955 – аспирантуру химического факультета МГУ.

В 1964 году Георгий Борисович организовал во Владивостоке Тихоокеанский институт биоорганической химии (ТИБОХ) и до 2001 года был его бессменным директором.

Г. Б. Еляков создал научную школу по изучению природных соединений, выделяемых из морских организмов и растений Уссурийской тайги. Под его руководством установлено строение нескольких сотен ранее неизвестных веществ, относящихся к разным классам химических соединений.

Выполненные исследования послужили основой для разработки ряда биопрепаратов для медицины, пищевой промышленности, сельского хозяйства и развития на Дальнем Востоке новой отрасли промышленности – производства биохимических реактивов и препаратов на базе комплексной переработки морского биологического сырья.

С 1975 года Г. Б. Еляков возглавлял созданную им кафедру биоорганической химии и биотехнологии Дальневосточного государственного университета.

Доктор химических наук (1967). С 24 ноября 1970 года член-корреспондент, с 23 декабря 1987 академик, с 13 марта 1991 по 14 ноября 2001 года вице-президент РАН. С 1991 по 2001 год председатель Дальневосточного отделения РАН. Советник РАН.

Возводится здание Института биологии моря

состоялась их свадьба. Надежда Константиновна впоследствии стала доктором наук, сейчас возглавляет кафедру в Дальневосточном федеральном университете.

Много очень интересных ученых приехало в то время на Дальний Восток.

На руководство Институтом автоматики и процессов управления, например, после долгих поисков нашли

Чествование Алексея Викторовича Жирмунского в связи с присвоением ему звания академика

Виктора Львовича ПЕРЧУКА. Он работал на Украине, но мы уговорили его приехать на Дальний Восток. Годы спустя мы стали не только коллегами по работе, но и настоящими друзьями. Мы часто собирались у него дома – у него прекрасная жена – Ольга Лазаревна – очень гостеприимная и приветливая. С ним меня тоже связывает много воспоминаний.

Виктор Львович Перчук имел характер военного: у него всегда во главе угла стояла железная дисциплина, командный тон, и этим он выделялся на фоне других директоров. Но вместе с тем он был человеком дела. Приняв институт после академика А. А. Воронова – интеллигентнейшего и мягкого человека – Виктор Львович обнаружил, что институт значительно отстает от подобных учреждений в центре страны уровнем вычислительной техники. Тогда он во многих выступлениях подчеркивал, что не может Институт автоматике и процессов управления иметь хорошую науку, нужную для производства, если не обладает мощнейшим

ЖИРМУНСКИЙ
Алексей Викторович

Алексей Викторович Жирмунский (1921–2000) – советский и российский ученый, академик Академии наук СССР.

Алексей Викторович Жирмунский родился в 1921 году в Петрограде. В 1939 году окончил Вторую Санкт-Петербургскую гимназию. В том же году поступил в Ленинградский государственный университет, но в октябре 1939 года был призван в армию. Служил в 16-м зенитно-артиллерийском полку противовоздушной обороны. Войну окончил в звании командира зенитного взвода.

В 1950 окончил Ленинградский государственный университет. В 1966 году по поручению Президиума АН СССР Алексей Викторович Жирмунский совместно с другими начал подготовку к созданию Института биологии моря ДВНЦ АН СССР, который был открыт в 1970 году. С 1970 по 1988 гг. руководил Институтом биологии моря ДВО АН СССР. 28 ноября 1972 года был избран членом-корреспондентом АН СССР.

По инициативе Алексея Викторовича Жирмунского были созданы Дальневосточный морской заповедник и Малая академия морской биологии.

вычислительным потенциалом. И Виктор Львович обосновал необходимость выделения средств на обновление всего парка вычислительной техники. Он тогда заявил, что нужно уходить от перфокарт и переходить к мониторам. Это был

*С Виктором Львовичем Перчуком
на первомайской демонстрации*

прорыв. Но тут же возник вопрос, где эти мониторы взять. И Виктор Львович стал писать письма и делать обоснования для того, чтобы закупить их в Венгрии. Вместе с тем он считал, что старую технику нужно убирать, и именно в период его руководства институт был оснащен машинами ЕС 1060, ЕС 1045 и ЕС 1066. Этот процесс дался ему нелегко — приходилось постоянно летать в Москву и воевать со столичными чиновниками. Но когда процесс был завершен и он пригласил членов президиума в Институт, мы увидели, что у нас, во Владивостоке, появился современный вычислительный центр в рамках Института автоматики и процессов управления.

Еще одно несомненное достоинство Виктора Львовича Перчука — это его уверенность в том, что наука должна иметь прикладное значение. Во времена его руководства

научные сотрудники института в буквальном смысле слова пошли по предприятиям — «Радиоприбор», «Дальприбор», «Изумруд», «Варяг» — для того, чтобы понять, какой программный продукт заводам необходим.

Связывают меня с Виктором Львовичем и личные воспоминания. Например, однажды он пригласил меня с моим старшим сыном в небольшое путешествие на катере: из Владивостока мы должны были пройти через остров Русский, Находку, острова Аскольд и Путятин в бухту Чистоводная. В этот день разразился дикий шторм. Наш катер бросало как щепку, но мы благополучно добрались до места назначения. Там остановились, порыбачили, покупались, переночевали, на следующий день решено было идти в обратный путь. Утром встали — а над морем такой туман, что не видно ничего. Но мы все равно решили идти. Вышли в море, идем, а островов, через которые проплывали по пути туда, все нет и нет. И оказалось, что мы сбились с курса и ушли чуть ли не в нейтральные воды. С большим трудом добрались тогда до дома. Это наше экстремальное путешествие мы с сыном вспоминаем по сей день.

Процессу создания в недрах ДВНЦ Института экономики океана предшествовали очень большие споры. В то время существовал отдел экономики Приморского края. Но поскольку край имел океаническую специфику, возникла идея создать институт экономики океана. Эта идея не была всеми поддержана, потому что само словосочетание «экономика океана» звучало, по мнению некоторых наших оппонентов, неубедительно. «Если есть экономика океана, то может быть экономика земли или экономика неба», — парировали они. Но в этом институте была огромная потребность. Он должен был заниматься экономикой рыбного хозяйства, обоснованием океанического машиностроения, экономикой приморских территорий, энергетики и т.д. И в рамках этого замысла была сформирована его концепция. Кандидатуры на должность директора перебирали

очень долго. В конце концов остановились на Владимире Анатольевиче ФЕДОСЕЕВЕ из Ленинграда. Он занимался экономикой металлургии и согласился на наше предложение, хотя Ленинград был для него местом, которое он никогда до этого не покидал надолго: его жена была актрисой одного из ленинградских театров. Но эти люди в то время были как декабристы, и не за всеми приезжали на Дальний Восток жены. Владимир Анатольевич приехал сюда один.

Как и многих других ученых, которые приезжали на Дальний Восток, я встречал его в аэропорту, на пути в город показал нашу бухту Шамору и другие места отдыха горожан, что произвело на него очень сильное впечатление. С Владимиром Анатольевичем у нас сложились теплые отношения, особенно в тот период, когда я позднее перешел работать в этот институт заместителем директора по науке.

Уже в те годы зрела проблема: если уникальные ученые в биологии, химии приезжали сюда и здесь становились определяющим звеном за неимением сильных конкурентов в местной научной среде, то в общественных науках и особенно в экономике здесь, во Владивостоке, уже была солидная школа, поскольку отдел экономики существовал еще до открытия ДВНЦ АН СССР. И у Федосеева сразу возникли оппоненты, которые с ним спорили и не принимали его решений по поддержке того или иного направления. А он сам не обладал качествами гибкости в проведении своей политики. На одном из партийных собраний института ему прямо сказали, что ему пора паковать чемоданы и ехать обратно в Ленинград, так как дальневосточников он не понимает. Так оно в итоге и получилось — вскоре Федосеев покинул Дальний Восток. Но я очень тепло о нем вспоминаю — он обладал качеством высокой человечности и объективности к людям.

Институт экономических исследований в Хабаровске должен был взять на себя все региональные проблемы — институты в составе ДВНЦ не должны были дублировать друг друга. Возглавить его мы пригласили Валерия

Петровича ЧИЧКАНОВА из Свердловска. Впоследствии мы стали с ним большими друзьями, дружим до сих пор.

Тогда, относительно молодой и энергичный, он взял на себя работу, связанную с подготовкой первой долгосрочной программы развития Дальнего Востока. Создание этой программы сопровождалось регулярным проведением в Хабаровске всесоюзных конференций по экономическому развитию Дальнего Востока. Под началом Валерия Петровича строилось в Хабаровске здание института — на него он положил много сил и энергии.

В начале рыночных реформ Валерий Петрович выдвинулся в Москву, был заместителем министра внешнеэкономических связей РФ, потом долгие годы работал проректором по науке Академии государственной службы при Президенте РФ.

Там же, в Хабаровске, был создан и Вычислительный центр. Его директором стал Евгений Васильевич Золотов, о котором мы уже говорили в предыдущей главе.

Для того чтобы все задуманное получилось, нужны были огромные вложения как в научное, так и в социальное строительство, ведь ученые приезжали сюда с семьями, а значит, им было нужно жилье, больницы, детские сады.

Вся необходимая инфраструктура была создана довольно быстро: построена ведомственная больница и детский сад, а также целый жилой микрорайон с квартирами для научных работников.

Кроме этого, руководители научных направлений убедили нас в том, что кроме институтов необходимо иметь стационары и в тайге, и на берегу моря. В Приморском крае была создана мощная научно-экспериментальная база в бухте Витязь. Благодаря Алексею Викторовичу Жирмунскому построили базу «Восток» для морских биологов под Находкой. Подобные отраслевые станции создавались в Магадане, на Камчатке. И эти базы на долгие годы стали местом притяжения ученых из других регионов страны и из-за рубежа.

Научная база вулканологов на Камчатке

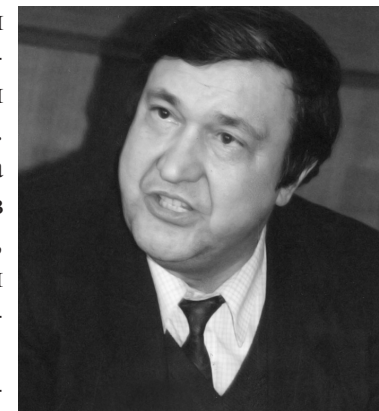

На стационаре в Магадане после рабочего дня

Помимо привлечения состоявшихся ученых, мы активно приглашали на Дальний Восток и научную молодежь. Многие из них, приехав сюда с дипломами ведущих вузов Москвы и Санкт-Петербурга, именно здесь стали маститыми учеными и крупными руководителями.

В Институт экономических исследований, например, Валерий Петрович Чичканов пригласил много научной молодежи из западных регионов. Среди них был и Павел Александрович МИНАКИР, который возглавляет этот институт по сей день, является академиком и некоторое время занимал должность первого вице-губернатора Хабаровского края.

Петр Яковлевич БАКЛАНОВ приехал сюда молодым выпускником МГУ. Здесь стал сначала директором Ин-

Петр Яковлевич Бакланов приехал в ДВНЦ молодым ученым

МинГраниш ?

*Сегодняшний председатель президиума ДВО РАН
Валентин Иванович Сергиенко путь от молодого ученого
до академика прошел именно в стенах ДВНЦ*

*Молодым ученым нередко приходилось самим участвовать
в грандиозной стройке*

ститута географии, потом возглавил Институт экономических исследований в Хабаровске, потом снова вернулся во Владивосток, стал академиком.

Благодаря той благоприятной ауре, которая была создана в ДВНЦ, в недрах институтов выростала очень толковая

молодежь. Например, сегодняшний председатель президиума ДВО РАН, академик Валентин Иванович СЕРГИЕНКО начинал работать в Институте химии, защитил сначала кандидатскую диссертацию, затем докторскую и вот уже много лет возглавляет Дальневосточное отделение Академии наук.

Сегодня мне приятно осознавать, что те зерна, которые мы тогда заложили, дали очень хорошие всходы. Причем не единичные — можно говорить о целом поколении ученых, исследователей, организаторов науки, выросших вместе с ДВНЦ.

Активно строили мы в то время и научно-исследовательский флот, создание которого сразу поставило Россию на особое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то время считалось, что Владивосток является уникальным не только потому, что здесь действует Морской торго-

*Научно-исследовательское судно «Вулканолаг»
возвращается в родной порт*

вый и Рыбный порты, но и потому, что в городе базируется самый многочисленный научно-исследовательский флот в мире. Дело в том, что наряду с судами Академии наук здесь были «прописаны» корабли Тихоокеанского управления разведывательного и научно-исследовательского флота, Дальневосточного института гидрометеорологии. Каждый год они выходили в длительное плавание по всему Мировому океану. Биологи, химики, океанологи, геологи выполняли экспедиционные исследования. По количеству судов, по тоннажу, научной базе для исследования океана, количеству лабораторий и лабораторных мест дальневосточная наука долгое время оставалась на первом месте не только в России, но и в мире. Причем лаборатории были оснащены самым современным для того времени оборудованием.

Благодаря наличию научно-исследовательского флота мы тогда решили проблему развития международного сотрудничества, стали проводить совместные международные научно-исследовательские экспедиции.

За достаточно короткий период нам удалось сделать достаточно много — мы создали кадровый потенциал, мощную материально-техническую и научную базу для научных исследований. Созданные для академической науки условия позволяли налаживать связи с отраслевой и вузовской наукой, готовить научные кадры, внедрять научные разработки в производство. В ту пору Дальний Восток имел огромное количество крупнейших предприятий. И мудрость тогдашнего управления заключалась в том, что они теперь замкнулись не на центральные, а на наши, дальневосточные научные институты.

Теперь руководство страны поставило перед нами следующую задачу — материальные вложения в науку должны были принести ощутимый экономический эффект. И над этой задачей мы стали активно работать.

Первые итоги и новые задачи

В 1980 году состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР по рассмотрению итогов формирования Дальневосточного научного центра за прошедшие 10 лет со дня его создания.

Этому предшествовала огромная работа по объективной оценке эффективности использования государственных средств и управленческих решений в осуществлении намеченных в 1970 году планов. Тогда, в преддверии столь важного события, в самом президиуме ДВНЦ, в дирекциях научно-исследовательских институтов, а самое главное, в крайкомах и обкомах всех краев и областей отчетливо понимали, что за этой оценкой последуют оргвыводы Москвы, одобрение или неодобрение инициатив региональных властей по государственному финансированию объектов материально-технической базы академической науки и целевых исследовательских программ, прежде всего программы «Мировой океан», до конца XX столетия. Всем понятно было и то, что для получения новых финансовых вливаний в начало, продолжение или завершение строительства зданий академических институтов, научно-исследовательского

флота и других объектов в Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР должны быть представлены грамотные, реалистичные обоснования с акцентом на ожидаемые от этих вливаний результаты во всех отраслях реального сектора экономики.

Так как я уже имел определенный опыт проведения исследований по проблемам формирования региональных научно-технических комплексов в рамках выполняемой докторской диссертации, мне такая работа была вполне по плечу.

Объективности ради следует признать, что в первые организационные 10 лет в части формирования Дальневосточного научного центра были достигнуты весьма внушительные результаты. Созданы практически все структурные подразделения как во Владивостоке, так и в других городах Дальнего Востока, завершилось или находилось в стадии завершения проектирование институтских комплексов, и, самое главное, определились лидеры большинства научных отделов и лабораторий. Только за последние 5 лет этого периода общая численность научных работников выросла более чем в 1,5 раза, численность кандидатов и докторов наук — в два раза. Активно шло строительство зданий, закупка оборудования. Научными и научно-педагогическими коллективами в течение одного только 1980 года велись исследования по 1200 темам, 370 законченных работ были внедрены в производство.

Положительно оценив эти результаты, Центральный комитет партии указал всем нам и на допущенные ошибки, в том числе в партийном руководстве развитием фундаментальных научных исследований, координации отраслевой и вузовской науки, в подготовке и внедрении достижений науки в производство.

Было сформулировано основное требование — существенно усилить роль президиума ДВНЦ АН СССР в планировании деятельности всех академических институ-

тов с учетом приоритетов научного обеспечения масштабного процесса комплексного освоения ресурсов Дальнего Востока. Очевидно, понимая важность очередного этапа развития, Виктор Павлович Ломакин, рассмотрев мое заявление об освобождении с занимаемой должности второго секретаря Советского райкома партии, на территории которого строился Академгородок, для завершения докторской диссертации, предложил мне стать главным ученым секретарем ДВНЦ. «Партия кадрами просто так не разбрасывается, — сказал он тогда. — Поэтому пойдешь руководить тем, что создал с партийной вышки, изнутри». Эта позиция была «докторская», мое назначение состоялось с условием, что через два года я выйду на защиту докторской диссертации. Причем к работе в новом статусе после телефонного разговора в моем присутствии с академиком Н. А. Шиловым было поручено приступить уже на следующее утро. Впоследствии я понял, что такой «кадровый ход» диктовался очень сжатыми сроками, данными на исправление существующих недостатков. Так в один момент я стал по должности выше всех директоров институтов не как партийный лидер, а как руководитель штаба дальневосточной науки, член команды, как сейчас принято говорить, топ-менеджеров.

Масштаб задач, которые мне теперь необходимо было решать, существенно увеличился. Если раньше я отвечал только за Приморский край, то, начиная с 1983 года, в зону моей ответственности стал входить весь Дальний Восток с достаточно большим аппаратом в подчинении. Эта работа стала для меня чрезвычайно тяжелой, но в то же время очень интересной.

Сразу же после моего вступления в должность мы с Николаем Алексеевичем Шиловым, а к тому моменту мы были уже хорошо знакомы и, как мне казалось, взаимно симпатичны друг другу, сели в его кабинете и стали обсуждать в первую очередь те критические замечания, которые были сделаны на заседании Политбюро ЦК КПСС и Совета

министров СССР. Скажу откровенно — в основном замечания были справедливыми. Многие из них, как мне казалось, явились прямым следствием как форсированной реализации стратегического замысла развития «большой науки» в самом отдаленном регионе страны, так и ускоренного освоения масштабных финансовых средств иногда без должного на то обоснования.

Главное замечание относилось к кадровому обеспечению нового научного центра. За пять лет моего партийного руководства наукой во Владивосток были приглашены из других регионов страны, в основном центральных, свыше 150 ученых разного статуса и возраста. С одной стороны, кадровую проблему можно было считать решенной, поскольку вакантные должности директоров институтов, заведующих отделами и лабораториями, старших и младших научных сотрудников были заняты. Но для успешной адаптации этих людей и эффективного включения их в исследовательский процесс сделать удалось далеко не все необходимое. Трудно было с предоставлением жилья, хотя очень быстро на ул. Кирова во Владивостоке построились два девятиэтажных дома гостиничного типа. Сложнее, чем предполагалось ранее, оказалось обеспечение требуемых для исследований условий: здания многих учреждений находились в состоянии строительства или сдачи в эксплуатацию, явно не хватало лабораторного оборудования, угнетала большая удаленность от московских научных библиотек, информационных центров, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения. Эти и другие негативные факторы уже в скором времени обусловили отток приехавшей на Дальний Восток научной молодежи.

Была проблема и с учеными, приглашенными на должности директоров институтов, для которых Президиум АН СССР установил правило внеконкурсного избрания в члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук. Понимая свою «обреченность» на стремитель-

ное продвижение к высоким научным титулам, некоторые директора умудрялись руководить своими институтами из московских квартир, изредка приезжая на Дальний Восток, что Центральным комитетом партии подвергалось суровой критике. Поэтому острейшим образом встал вопрос создания стройной системы подготовки собственных кадров.

Сейчас, в зрелом возрасте, я абсолютно убежден в невозможности быстрого накопления научного потенциала там, где для этого не созданы надлежащие предпосылки. Можно подготовить за 10 лет после средней школы хорошего инженера, учителя, летчика и даже врача, а вот ученого с глубоким пониманием существа тех или иных явлений, да еще со степенью доктора наук — нет.

Другая не менее сложная проблема выявилась при комплексной оценке направлений и тем исследований, сформировавшихся при создании в различных отраслях наук и, следовательно, размещенных в различных регионах близкопрофильных институтов. Поскольку этот масштабный процесс на стартовом этапе развития академического центра осуществлялся в расчете на согласившихся к нам приехать ученых, уже имевших свою научную специализацию, в рамках которой шло открытие отделов и лабораторий, то неизбежно к 1980 году выявились издержки планирования — параллелизм и дублирование.

С позиции рационального использования выделяемых государственных ресурсов это было недопустимо. Подобное понимание возникло у меня еще в первые годы моего партийного кураторства академической наукой, когда, бывая в различных институтах, я слышал очень близкие постановочные задачи и исследовательские программы, причем не всегда понимаемые с позиции отчетливо видимых на Дальнем Востоке проблем развития.

Вспоминаю, как в Ботаническом саду г. Владивостока мне доказывали важность многолетнего финансирования экспедиций на Кавказ для выполнения исследований по возмож-

ной адаптации грецкого ореха к условиям дальневосточной тайги. Поскольку произрастающий у нас орех маньчжурский населением использоваться не может. При этом определенная часть научных сотрудников с запада страны продолжала заниматься удовлетворением чисто своих научных интересов, доказывая, что полученные фундаментальные результаты когда-нибудь найдут применение на востоке России.

Но теперь в развитии центра настала другая пора — вложенные в строительство центра деньги должны были начать давать экономический эффект, а значит, и проблематика исследований должна была опираться на нужды Дальнего Востока. Очень остро была поставлена задача пересмотра всей научной проблематики и разворачивания ее в сторону наиболее приоритетных фундаментальных исследований, исходя из потребностей отраслей экономики региона и развития мировой науки. Меня эта проблема чрезвычайно увлекла, и целый раздел моей докторской диссертации был посвящен тому, как это сделать.

Третье замечание Политбюро ЦК КПСС касалось вопроса внедрения научных результатов в практику. Этот процесс должен был идти более системно, с учетом развития в регионе всех отраслей экономики. В ДВНЦ тогда был создан отдел внедрения, и началась работа по организации научно-производственных циклов: фундаментальные исследования — прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки — производство. Академическому центру, с одной стороны, необходимо было более тесно сотрудничать с отраслевыми институтами и вузами, с другой — создавать собственные экспериментальные производства.

Эти и другие замечания, озвученные на Политбюро ЦК КПСС, поставили перед нами целый ряд новых задач, которые необходимо было решать.

Яркой страницей развития ДВНЦ в то время стала подготовка научной смены. Начиная со школьной скамьи, создавалась интеллектуальная база для развития региона.

Как это происходило? Например, Институт автоматки и процессов управления ежегодно собирал летнюю смену в лагере «Квант» на Садгороде из одаренных ребят со всего Приморского края. В течение 30 дней ребята отдыхали на берегу моря и слушали лекции не только сотрудников ИАПУ, но и ученых из ведущих научных центров страны. Такой же лагерь организовывал для юных биологов и Институт биологии моря на своей научно-исследовательской станции «Восток» под Находкой.

Основная задача, которая стояла тогда перед нами, заключалась в подготовке ребят для поступления в ведущие вузы страны. И надо сказать, что каждый второй участник такой смены становился студентом МФТИ им. Баумана, МГУ, Ленинградского государственного университета и других ведущих вузов страны.

И я, будучи главным научным секретарем, и директора институтов, бывая в Москве, обязательно навещали этих ребят. То есть они чувствовали постоянную связь с институтами ДВНЦ. А после окончания учебы они возвращались

Молодым ученым в ДВНЦ уделяли особое внимание

Летняя физико-математическая школа. 1984 год

на Дальний Восток и приходили работать в наши институты младшими научными сотрудниками.

То есть, с моей точки зрения, тогда была создана уникальная модель подготовки высококвалифицированных будущих специалистов. Кстати, стоит сказать, что впоследствии, когда началась реформа науки и финансирование исследований резко сократилось, 70 % тех ребят – физики, математики, биологи – уехали за границу и стали там очень востребованы.

Выстроили мы и цепочку научных связей: фундаментальные исследования – прикладные исследования – опытно-конструкторские разработки – внедрение на предприятиях. Мы изменили подход к этому во всех институтах, у нас стали появляться первые опытно-экспериментальные производства.

Конечно, сделать это было непросто. Во-первых, у нас не было никакого опыта в этом деле, не хватало оборудования и инженерных кадров для обеспечения производственного процесса. А во-вторых, к тому моменту у нас еще не созрели темы исследований, где результаты фундаментальной науки могли бы в достаточно короткий срок войти во взаимодействие с отраслевой наукой и претендовать на создание опытных образцов: материалов, оборудования, продуктов питания, пищевых добавок. Поэтому первое, что мы сделали, – определили институты, в которых перспективы организации производства были наиболее очевидны. Сейчас о том, что научные разработки необходимо коммерциализировать, известно всем. Тогда это было новым словом в организации науки.

На первое место у нас тогда вышли разработки, связанные с освоением ресурсов Мирового океана, производством лекарственных препаратов. И в этой связи Тихоокеанский институт биоорганической химии заявил о себе достаточно масштабно – довольно быстро его продукты стали достоянием жителей региона. В магазинах можно было

купить, например, желтый сахар или бальзам «Золотой Рог», а в аптеках – биологически активные добавки.

Необычайно важным в то время для страны стало создание глубоководных автономных аппаратов. Этим занялся Институт проблем морских технологий. Когда-то в студенческом конструкторском бюро, которым я руководил, была создана металлическая оболочка для оборудования, которое можно было опускать на глубину более 1 км и проводить там исследования. Институт, руководил которым М. Б. Агеев, занялся этой проблемой более масштабно: был создан цех по производству подводных роботов, которые проходили испытания на научно-исследовательских судах. Огромная работа по внедрению разработок в жизнь была сделана в Институте химии и других институтах ДВНЦ.

Тогда же я активно работал над своей докторской диссертацией и совмещал работу ученого секретаря с заведованием лабораторией системных исследований Института автоматизации и процессов управления. В недрах этой лаборатории мы создали систему автоматизированного территориального управления региональной наукой (САТУРН), и это стало одной из глав моей диссертации. Мы собрали всю проблематику институтов, пропустили данные через вычислительный центр. Это позволило нам устранить те самые «параллелизм и дублирование», которые нам ставили в упрек. Кроме этого, мы в прямом смысле развернули науку лицом к региональным проблемам.

Что касается координации научных исследований, то здесь стали брать пример с Президиума Академии наук. А он раз в год проводил выездные заседания в разных союзных республиках. И на первое такое заседание, проходившее в Армянской ССР, Николай Алексеевич Шилов отправил меня.

Тогда я познакомился с президентом АН СССР Анатолием Петровичем АЛЕКСАНДРОВЫМ. На банкете мы сидели практически рядом – тогда Дальнему Востоку

*Академик Анатолий Петрович Александров
во время своего визита в ИАПУ*

уделяли особое внимание — и много беседовали. Его очень интересовал опыт создания одного из крупнейших в стране научных центров.

Мы, следуя примеру Академии наук, тоже стали проводить выездные заседания в различных регионах Дальнего Востока. Помню одно из первых таких заседаний в Благовещенске, когда в программу нашего визита мы включили

Анатолий Петрович Александров в одной из лабораторий ИАПУ

встречи с региональной властью, руководителями предприятий, даже выезжали в совхозы для того, чтобы узнать, какие проблемы есть у сельхозпроизводителей, и найти научные пути их решения.

Сформировали мы в тот период и достаточно масштабную программу совместных международных исследований с использованием научного флота. Наши суда стали бороздить Мировой океан под эгидой дальневосточных научных институтов.

Еще одной очень важной для меня задачей в те годы стало формирование на Дальнем Востоке института ученых секретарей. К тому моменту в состав ДВНЦ входил 21 институт, и у каждого был свой ученый секретарь. На второй год моей работы мы провели во Владивостоке большой семинар для всех ученых секретарей нашего региона. Сотрудничество получилось очень плодотворным, и потом еще долгие годы мы пользовались его результатами.

Нужно сказать, что в годы работы главным ученым секретарем у меня появились совершенно новые возможности в подготовке докторской диссертации. Масштаб моей деятельности существенно расширился: я был обязан участвовать в работе всех институтов Дальнего Востока, а значит, бывать в регионах, знакомиться с состоянием развития академической, отраслевой и вузовской науки. Плюс ко всему я как минимум раз в год летал в Москву в Президиум Академии наук СССР и там участвовал в совещаниях, в том числе и в Академии Союзных республик. Все это позволило мне выйти на целый ряд ключевых предложений по усилению роли академических учреждений в развитии экономики Дальнего Востока. Осознавая и понимая это, я стал много выступать с докладами и научными публикациями. А в 1984 году на меня вышли с предложением выступить с докладом о состоянии научного комплекса в регионе на заседании аппарата Госплана СССР, который проходил в Хабаровске. В обсуждении этого доклада должна была принимать

После семинара ученых секретарей Дальневосточного региона

участие огромная команда маститых ученых, чиновников, специалистов со всех краев и областей Дальнего Востока, представители из Москвы. В течение нескольких месяцев я занимался этой работой, готовил доклад на тему «Роль и задачи научных учреждений Дальнего Востока в ускорении развития отраслей специализации и решении межотраслевых проблем в Дальневосточном экономическом районе». С моей точки зрения, это была ключевая работа, которая позволила мне реально оценить, что необходимо сделать для экономики российского Дальнего Востока: в процессе ознакомления с состоянием отраслей народного хозяйства и межотраслевого взаимодействия был выявлен ряд проблем, которые необходимо было устранять.

На этот доклад был наложен гриф «Для служебного пользования»: тогда мы не могли открыто говорить о проблемах, которые существовали.

Доклад был зачитан в Хабаровске в присутствии высоких гостей из Москвы, а также региональных властей и крупных ученых. Все прошло на высоком уровне, и это стало одним из импульсов того, что экономическая наука на Дальнем Востоке стала интенсивно развиваться. После этого доклада к нам более серьезно стал относиться Госплан СССР, а ведь именно от него зависели объемы финансирования науки на Дальнем Востоке.

На этой волне я фактически завершил свою работу главным ученым секретарем: мне необходимо было защищать докторскую диссертацию. Сделать это мне было предложено в Киеве, у доктора экономических наук Валерия Ивановича ТЕРЕЩЕНКО.

Тогда я честно пришел к Николаю Алексеевичу Шило с просьбой снизить нагрузку и перейти с должности ученого секретаря сотрудником Института экономики океана. Надо сказать, что хорошее отношение ко мне Николая Александровича позволило мне, работая главным ученым секретарем, параллельно вести научную деятельность, воз-

главляя сектор системных исследований в Институте автоматизации и процессов управления. Я предложил председателю президиума перевести этот сектор в Институт экономики океана и передать руководство им в мои руки. Таким образом, я, с одной стороны, планировал завершить подготовку своей докторской диссертации, с другой – внести свой вклад в совершенствование и развитие Дальневосточного научно-исследовательского центра. Николай Алексеевич согласился на это и перевел меня на должность члена президиума и одновременно заведующего сектором в Институте экономики океана (впоследствии он был преобразован в Институт экономических и международных проблем освоения океана).

Надо сказать, что в тот момент перед институтом стояли глобальные задачи. Но работать было легко: с директором института Владимиром Анатольевичем ФЕДОСЕЕВЫМ у нас к тому моменту уже сложились добрые отношения, и сообща мы готовы были эти задачи решать. Руководство института приняло меня в свою среду, и сразу нам надо было решать очень серьезную и амбициозную задачу: завершить огромный проект, связанный с программой «Мировой океан». Программа носила статус международной, в ней участвовал не только Советский Союз, но и другие страны. И решала она одну из крупных экономических проблем – возможности добычи биологических и геологических ресурсов со дна Мирового океана.

Мы тогда понимали, что реализация этой программы позволит обеспечить продовольственную безопасность страны. Кроме этого, уже тогда шел разговор о возможности добычи углеводородов на Сахалинском шельфе, западном шельфе Камчатского полуострова. А на наш институт была возложена задача экономической оценки этих проектов. То есть, с одной стороны, нужно было ответить на вопрос, сколько средств понадобится для того, чтобы реализовать те или иные замыслы ученых в рамках освоения ресурсов Мирового океана, с другой – надо было выстроить модель

управления этим процессом, включая возможности международного сотрудничества.

Этот проект мы выполняли совместно с Одесским отделением Института экономики Украинской академии наук. Большой коллектив ученых нашего института неоднократно летал в Одессу, одесские исследователи прилетали к нам, мы плодотворно работали, и итогом этой работы стал большой доклад, который вошел в программу «Мировой океан». Он был разослан во все страны мира, которые сотрудничали с нами по этому проекту.

В отчете об этой работе есть и моя фамилия: я отвечал за раздел «Научно-технический прогресс». Этой же теме впоследствии была посвящена и моя докторская диссертация.

Сейчас очень интересно провести параллель между тем, что мы делали тогда, и тем, что происходит сегодня. В настоящий момент наблюдается новый виток развития этой тематики: реанимируется Северный морской путь, обсуждается глобальная проблема круглогодичного движения по нему, мировое сообщество начинает думать об освоении ресурсов Северного Ледовитого океана. И те научные результаты, которые мы получили тогда, почти 30 лет назад, сегодня широко используются, на них опираются современные ученые-экономисты.

Во время работы в институте мне удалось реализовать и еще одну очень интересную инициативу. Я предложил во время наших командировок в другие регионы России встречаться со студентами-четверокурсниками и озвучивать им интересные для нас темы дипломного проектирования. Я хорошо помню одну из таких командировок, когда состоялись знакомства с моими будущими коллегами, которые впоследствии именно здесь, на Дальнем Востоке, стали докторами наук, профессорами. Большая часть этих ребят, кстати, приехав тогда во Владивосток, остались здесь до сих пор, органично влившись в различные отрасли экономики Приморского края.

Вторая глобальная задача, которую должен был решать наш институт, возникла после приезда во Владивосток в 1985 году Михаила Сергеевича ГОРБАЧЁВА. Тогда генеральный секретарь, вслед за Никитой Сергеевичем ХРУЩЁВЫМ, повторил фразу о том, что Владивосток должен стать вторым Сан-Франциско. И расшифровал свою мысль, поставив задачу создать в регионе крупный хозяйственный комплекс. Именно тогда мы начали работу над первой целевой долговременной программой социально-экономического развития Дальнего Востока до 2000 года. В работу включились в основном экономические подразделения ДВНЦ – Хабаровский институт экономических исследований и Институт экономических и международных проблем освоения океана. В тесном содружестве мы готовили основные разделы программы.

Тогда я отстаивал такую точку зрения, что на Дальнем Востоке должны быть созданы высокотехнологичные

Михаил Сергеевич Горбачёв с супругой во время визита во Владивосток в 1985 году

производства, новые технологии должны вывести на новый виток рыбную, металлургическую, перерабатывающую промышленности. В своих выступлениях я тогда говорил о том, что для того, чтобы Дальневосточный регион развивался, мы должны создать здесь более комфортные условия для жизни людей. Тогда, кстати, в эту программу в качестве индикаторов развития мы поставили устойчивый рост численности населения и планировали, что к 2000 году здесь будет жить 10 млн. человек населения. То есть каждый год, по нашим замыслам, население должно было увеличиваться на 100 тыс. человек. Под эти показатели мы рассчитали, сколько жилья нам необходимо построить, как улучшить социальную инфраструктуру, создать условия для получения образования, профессиональной самореализации, совершенствования здравоохранения. В программе был предусмотрен целый ряд очень важных аспектов. В 1987 году программа была готова.

И после рассмотрения на Политбюро ЦК КПСС и Советом министров СССР она была одобрена и принята. Это было событием огромной важности, потому что люди, живущие здесь, получили возможность увидеть перспективы. Но, к сожалению, период воодушевления после принятия этой программы длился недолго. Начался процесс замедления темпов роста экономического развития, и многим планам не суждено было сбыться.

Сегодня, спустя 30 лет, мы снова вернулись к тем же задачам, которые стояли тогда. И мы снова говорим о том, что ничто не сможет так усилить позиции Дальнего Востока, как уровень жизни населения. Что надо создавать преференции для дальневосточников, тогда эта территория, богатая природными ресурсами, будет развиваться и иметь вес на международной арене.

Работая над программой, я уже вплотную подошел к защите докторской диссертации. Мне дали творческий отпуск, и я полетел в Киев. Советом по защите руководил величайший ученый и великолепный человек Геннадий Ми-

хайлович ДОБРОВ. Он был крупным специалистом в области науки и науковедения. Я несколько месяцев жил между Москвой и Киевом: в Москве была крупнейшая научная библиотека, а в Киеве — научные руководители, рассылал авторефераты для получения отзывов — а их нужно было в то время иметь из разных союзных республик. Но 15 марта 1988 года состоялась моя защита. Прошла она великолепно, я получил единогласное голосование.

По возвращении во Владивосток мне предложили место заместителя директора по науке Института экономических и международных проблем освоения океана. Но, к сожалению, Владимир Анатольевич ФЕДОСЕЕВ к тому моменту уже покинул Дальний Восток, а в стране начался период реформенных преобразований, который коснулся и науки.

К этому моменту на Дальнем Востоке была создана без преувеличения мощнейшая научная база, а исследования, проводимые институтами, имели, с одной стороны, мировой резонанс, а с другой — реальный экономический эффект для региона. Дальневосточное отделение РАН на тот момент представляло собой сеть научных центров, расположенных во Владивостоке, Хабаровске, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске и Благовещенске, и они работали над актуальными для региона задачами.

С моей точки зрения, к концу 80-х дальневосточная наука, благодаря преданности своему делу большинства сотрудников ДВНЦ, имела в своем багаже достаточно много значимых для региона достижений, которые развиваются и находят применение и в современном мире. Как я уже говорил выше, в Институте проблем морских технологий были разработаны подводные роботы различного назначения, в том числе малогабаритный «солнечный» необитаемый подводный аппарат неограниченной автономности и дальности хода, предназначенный для экологических исследований на трансконтинентальных трассах. В Институте

автоматики и процессов управления создан компьютерный комплекс регионального спутникового мониторинга природной среды. В настоящее время этот комплекс используют для исследования зарождения и развития тропических циклонов, обеспечения информацией рыбопоисковых и промысловых морских экспедиций, оперативного прогноза ледовой обстановки. Тихоокеанским океанологическим институтом, носящим сегодня имя академика В. И. Ильичёва, был собран крупный региональный банк океанологических данных, позволяющий решать практические вопросы, связанные с динамикой водных масс океана. Учеными Института химии впервые в опытно-промышленном варианте реализована эффективная технология очистки радиоактивных отходов. Здесь же разработаны ресурсосберегающие технологии формирования защитных и упрочняющих покрытий на металлах. В Тихоокеанском институте биоорганической химии получены высокие результаты в области биотехнологии, разработаны и внедрены в производство высокоценные лекарственные препараты из природного сырья.

В Биолого-почвенном институте удалось получить важные результаты в области генно-инженерной биотехнологии получения клеток полезных растений. В Институте биологии моря подведены итоги многолетних крупномасштабных исследований биоты шельфовых зон дальневосточных морей, выработаны рекомендации по созданию высокоэффективных хозяйств марикультуры. Учеными Института вулканологии разработана новая концепция и осуществлен ряд удачных прогнозов землетрясений и вулканизма, а в Институте морской геологии и геофизики выполнен широкий комплекс исследований по оценке сейсмической опасности Сахалина.

От государственной науки к частному институту

Начало 90-х принесло в страну значительные преобразования, затронувшие и экономику, и науку, и мою жизнь. И со многими решениями, принимаемыми на уровне правительства, я был не согласен. В частности, я не понимал, почему мы, объявив либерализацию внешнеэкономической деятельности в стране, не учли особенности отдельных регионов. Например, в Приморском крае, в Приханкайской низменности при советской власти огромные деньги были затрачены на создание ирригационных систем для выращивания риса. Приморье было объявлено территорией, которая будет обеспечивать рисом, наряду с Краснодарским краем, весь Советский Союз. И надо было понимать, что, как только мы откроем границы и не создадим никаких таможенных регуляторов, более дешевый китайский рис придет к нам. Естественно, наши рисоводы этой конкуренции не выдержали. Я наблюдал, как хозяйства в один момент стали разваливаться, а огромные территории, выделенные для выращивания риса и обору-

дованные необходимыми для этого системами, приходили в запустение.

Не понимал я, и почему то, что десятилетиями накапливалось советским народом, под 60 % годовых было отдано коммерческим банкам при том, что инфляция составляла 1200 %. Коммерческие банки выдавали кредиты по 240–260 % годовых, что привело к масштабным невозвратам: предпринимательские структуры просто не могли выплачивать такие проценты. Тогда в банках появились службы безопасности. Предпринимателей стали убивать, взрывать... В общем, страшное было время, в стране царил дикий волюнтаризм.

В это же время из уст наших руководителей – Чубайса, Гайдара – стали звучать речи о том, что надо упразднить институты общественных наук, которые работали на Коммунистическую партию. И никто не думал о том, что в этих институтах трудятся грамотные специалисты: философы, историки, экономисты, социологи. Руководители страны тогда считали, что, выкорчевав наследие коммунистического прошлого, мы сразу начнем жить по-новому. Эти высказывания, к сожалению, имели свои последствия. И у нас, в президиуме ДВО РАН, активизировалась кучка людей, которые стали говорить о том, что экономические, исторические институты нам больше не нужны. Это, по их мнению, была не наука. За высказываниями последовали и реальные действия: в марте 1992 года решением президиума ДВО РАН, его возглавлял тогда академик Еляков, который не любил экономистов, было принято решение об упразднении Института экономических международных проблем освоения океана. И судьбы почти 150 сотрудников этого института были решены буквально за три дня.

Объективности ради стоит признать, что некоторые основания для закрытия института у Георгия Борисовича были: незадолго до этого, когда с Дальнего Востока уехал Владимир Анатольевич Федосеев, встал вопрос, кого

назначать директором. Рассматривалась и моя кандидатура на эту должность. Но директора нашли в Москве. Им стал доктор исторических наук Рафик Агдамович АЛИЕВ. В институте это было воспринято очень тяжело. И за недолгий период руководства Алиева институт стал терять свои позиции. Вполне возможно, что если бы такого управленческого решения не было принято, то институт во главе с сильным руководителем смог бы себя защитить. Но этого не произошло. Не поддержал свою альма-матер и Владимир Сергеевич КУЗНЕЦОВ, ставший в ту пору губернатором Приморского края.

Наш институт был не единственным, кого постигла такая участь: по стране шло повальное упразднение научно-исследовательских подразделений экономической и исторической направленности. Хабаровский институт экономических исследований чудом уцелел, и было решено открыть во Владивостоке его филиал. Но трудоустроить в открывшееся представительство всех высвободившихся сотрудников не представлялось возможным. Часть людей уехала за границу, часть — ушла работать в банки и коммерческие предприятия (там были востребованы экономисты).

Вокруг меня в то время тоже образовался костяк людей, которые надеялись, что я как бывший партийный лидер с опытом и связями что-нибудь придумаю. И я придумал. Это была катастрофически смелая на то время идея: я решил доказать всем вокруг, что можно создать частный научно-исследовательский институт. Войти в состав соучредителей изъявили желание 10 человек, при этом все понимали, что для работы необходимо помещение, техника и, самое главное, клиенты, которые готовы оплачивать исследования. Нас поддержали тогда Центробанк и южнокорейская корпорация «КОНАР» (они стали нашими соучредителями). Так родилось ООО «Международный институт конъюнктуры и прогнозирования». Кстати, зарубежные организации, которые тогда активно стали интересоваться возможностями

Встреча с президентом компании «КОНАР», ставшей соучредителем Международного института конъюнктуры и прогнозирования

инвестирования в российский Дальний Восток, очень привлекал именно тот факт, что наш институт был независим от властей.

Мы очень надеялись, что на первых порах нас приютит наша родная Академия наук: все-таки все мы были выходцами из академической среды. Но Георгий Борисович ЕЛЯКОВ, бывший в ту пору председателем президиума, и слышать не хотел о таком соседстве. Нас выгнали из академических помещений. Так наш частный институт и академическая наука оказались по разные стороны баррикад.

Руку помощи нам тогда протянул директор Института вычислительной техники Владимир Васильевич ЗДОР: он выделил нам небольшое помещение в здании на ул. Пологой. А взамен попросил меня стать его заместителем на общественных началах. Я согласился.

С заместителем директора Международного института конъюнктуры и прогнозирования Виталием Николаевичем Рыжковым

Некоторое время спустя, когда мы уже заявили о себе и у нас кое-что начало получаться, ко мне в кабинет пришел ректор Дальрыбвтуза Александр Николаевич МАЛЯВИН со словами: «Александр Павлович, вы делаете вызов всем, — сказал он тогда. — У меня к вам предложение: мы даем вам помещение, так как нам важно, чтобы в составе нашего вуза был научно-исследовательский институт, но вы станете заведующим кафедрой «Финансы и кредит» в нашем вузе, потому что пришла пора готовить финансистов». Эту сделку мы подписали. Нам выделили площадь квадратов 100. Так одновременно в течение 13 лет я работал директором Международного института конъюнктуры и прогнозирования и руководил кафедрой в Дальрыбвтузе.

В самом начале нашей работы в частном институте мы понимали, что выжить нам будет очень тяжело. Мы были единственным институтом, который не имел ничего за душой. В это время пошла приватизация отраслевых институтов. Но им было несколько проще: в свое время их создавало государство, а это значило, что у них была сложив-

шаяся материальная база, а проще говоря, здания, часть из которых можно было сдавать в аренду. По такому пути в то время пошли ДНИИМФ, ТИНРО, ПромстройНИИпроект и другие. На таком фоне мы выглядели как шлюпка с десятком учредителями в бушующем море. Но мы не отчаивались, а усердно работали.

Начали с того, что определили оргструктуру, руководителей отделов. Первым подразделением стал отдел инвестиций, хотя тогда мало кто вообще представлял себе, что такое инвестиции. Чуть позже появились отделы экономики транспорта, региональной экономики и, конечно, коммерческий отдел. В советских научных институтах ничего подобного не было. Но мы понимали, что нам нужно зарабатывать.

Я до сих пор убежден, и жизнь только это подтверждает, что Приморье, российский Дальний Восток, как бы ни кричали антиглобалисты и псевдогосударственники, обречены на совместную экономическую жизнь с нашими соседями по региону. Из этого убеждения и сложилась научная ипостась Международного института конъюнктуры и прогнозирования.

Это новое дело, за которое я с соратниками и учениками взялся в самый сложный период развития страны, региона и края, принесло мне много радости и разочарований. Я стал свидетелем положительных рыночных перемен и примеров первых шагов грамотного вхождения экономики региона в глобальные мировые интеграционные процессы, раздутых успехов и поучительных провалов в экономике и политической жизни края. Мы стояли у истоков практически всех крупных научных экономических изысканий в регионе, разрабатывали различные концепции развития территории. Беда в том, что в угоду политической конъюнктуре и в силу нерешительности и недальновидности необразованных чиновников многие из перспективных и далеко идущих наших разработок были заморожены. Но жизнь

показала, кто был прав. И сегодня я вижу, как посеянные нами рыночные плоды начинают давать всходы. Но обо всем по порядку...

Итак, первый год стал для нас годом выживания. К 1994 году мы уже сформировались как институт и своей первой задачей видели информирование жителей Приморья о тех изменениях в экономике, которые происходят. И мы взяли за правило каждый год заканчивать изданием книги «Социально-экономическое развитие Приморского края». Сами того тогда не осознавая, мы получили достаточно широкую известность, а значит, и достаточно большой круг потенциальных клиентов.

Нашу продукцию активно покупали, но на этом мы не остановились и решили в 1995 году выпустить книгу «Приморский край — уроки рыночных реформ». Она стала бестселлером, потому что в ней были собраны факты реформирования базовых отраслей экономики. Издание произвело фурор, в том числе и в научных кругах. Хотя на подготовку издания средства собирались по крупицам. Нам тогда, кстати, посодействовал Российский комитет поддержки малого и среднего бизнеса. Эта книга стала достоянием не только руководителей предприятий, но и простых людей: они стали осознавать, что происходит в экономике Приморского края. СМИ так прокомментировали издание книги: «А. П. Латкин затеял хорошее дело — издал книгу об экономических преобразованиях, но название у нее не вполне отражает тот смысл, который в ней заложен. Ее нужно было назвать «Приморский край — хроника пикирующего бомбардировщика». Мне тогда говорили, что мы рискуем, осуществляя распространение этой книги. Но мы тем не менее шли таким путем и на протяжении всех лет, что институт существовал, выпускали свою печатную продукцию, каких бы трудов нам это ни стоило.

Стержнем нашей работы, безусловно, стали исследовательские проекты. И одной из первых работ стал заказ от

крупнейшей в те годы компании «Приморрыбпром». После приватизации в составе Приморрыбпрома было 32 предприятия, и нашему институту поручили разработать программу реанимации рыбоперерабатывающих заводов Приморского края. Их было восемь, в том числе предприятия в п. Валентин и Глазковка в Лазовском районе, в Славянке и на о. Попова. Мы тогда понимали, что на каждом предприятии нам надо побывать. Вместе с коллегами мы объездили все Приморье, а через полгода положили на стол руководства компании антикризисную программу.

Потом была большая работа с администрацией Приморского края, инициировал которую вице-губернатор по внешнеэкономической деятельности Владимир Алексеевич СТЕГНИЙ. Она касалась создания таможенных переходов на границе с КНР. У администрации края тогда выбор был небольшой — экономические институты упразднили, Хабаровский институт был далековато, поэтому первые работы в этом направлении — «Развитие внешнеэкономической инфраструктуры Приморского края» и «Обоснование контактных зон таможенных переходов с КНР» — заказали нам. Это была интереснейшая работа, в ней принимал участие весь институт. В течение целого года мы бригадами выезжали на места переходов, проводили там не один день и не одну ночь, думали о мерах, которые необходимо предпринять для того, чтобы для российской стороны эти проекты были выгодны экономически и политически.

Вокруг этой темы тогда было много споров. Например, дискуссия развернулась вокруг перехода Краскино — Хуньчунь. Тогда на международном уровне наши страны договорились о том, что с нашей территории от порта Зарубино до китайской границы пойдет трехколейная железная дорога: КНР была очень заинтересована в перевозке своих грузов через порт Зарубино. Параллельно планировалось построить еще и автомобильную скоростную магистраль. Хорошо помню, как была назначена стыковка этих путей.

Я как руководитель института выехал на место, китайская сторона прислала на торжество около 1000 участников. Они очень ждали, что сейчас из-за поворота выйдет путеукладчик — они уже подвели к нашей границе рельсы. И насколько все были обескуражены, когда, во-первых, с российской стороны мало кто приехал, а во-вторых, партнеры узнали, что у российской стороны денег хватило только на две колеи.

Долгие годы потом эта дорога стояла в законсервированном состоянии.

Тогда, наверное, я впервые осознал, что в рамках новой системы управления государством мы начинаем допускать стратегические ошибки, которые впоследствии обернутся против нас тяжелыми последствиями. Что в конечном итоге и произошло.

Второй большой вопрос был по переходу Марково—Хулинь. В Марково мы тоже провели не один рабочий день, встречались с чиновниками, пограничниками, таможенной службой. Китайская сторона предлагала построить железную дорогу от Хулиня с выходом на Транссиб для того, чтобы быть ближе к Хабаровску. Но после долгих обсуждений в конечном итоге мы не рекомендовали строительство данного объекта. Наше решение базировалось на опасении, что свободный выход на нашу территорию по железным дорогам (на память приходили события на острове Даманском) может иметь для нас не очень хорошее геополитическое значение.

В конечном итоге, выполняя эту работу по пограничным переходам, мы определились с их количеством, мощностью и наметили, что нужно сделать на нашей стороне, чтобы не страдали ни туристы, ни перевозчики. До конца наши рекомендации выполнены не были, но проект имел тогда громадное значение.

Примерно в то же время к нам в качестве заказчиков обратилось сразу три государства: Япония, Корея и Китай. И мы включились в интереснейший проект Туманган.

После бизнес-семинара с китайскими предпринимателями

Визит в г. Вэйфан для подписания торгово-экономического соглашения

Он стартовал в 1995 году, в основном по инициативе китайской стороны, заинтересована в нем была и Япония. В рамках этого проекта предполагалось создать такой территориальный треугольник, в котором была бы очень хорошо развита транспортная инфраструктура для японских, корейских и китайских перевозчиков. Первый заказ мы получили от японской стороны — мы должны были оценить готовность нашей транспортной инфраструктуры к реализации проекта. В этой связи мне пришлось изучать тему перспективности создания транспортных коридоров.

В ту пору мы очень активно принимали участие в совещаниях и симпозиумах, которые проходили в Пекине, Ниигате, Хунчуне, и благодаря нашим разработкам, предложениям, идеям многое сдвинулось с места, и эта территория получила определенный импульс развития.

Активно мы сотрудничали и с нашим учредителем — компанией «КОНАР». Корейцы заказывали нам самые разные работы, оценивающие перспективность инвестирования в российский Дальний Восток. К этому были определенные предпосылки. Например, в ту пору было продекларировано

Делегация корейских ученых и бизнесменов во главе с президентом компании «КОНАР» г-ном ЧАНГ

создание свободной экономической зоны Находка. К этому моменту я уже изучил опыт создания свободных экономических зон в Шанхае и понимал, что, имея в наличии только свободные гектары земли, СЭЗ не создашь. А именно так предполагало сделать наше государство, планируя получать доход от сдачи в аренду земли. Но во всем мире существовала другая практика. В Китае, например, государство вкладывало в эти территории большие деньги, решая вопросы транспортной доступности, электро- и водоснабжения, а потом объявляло тендер на привлечение предприятий на эту территорию, отбирая только те виды бизнеса, которые нужны для развития локального региона. Мы к этому подошли только сейчас, через 20 лет, с идеей создания территорий опережающего развития.

Тогда же модель свободной экономической зоны Находка шла вразрез с теми принципами, которые применялись во всем мире. Например, нигде в мире под СЭЗ не предоставлялись такие огромные территории, как в Находке. Более того, это был период правления Евгения НАЗДРАТЕНКО, и он настаивал, чтобы весь Приморский край получил статус СЭЗ. С точки зрения экономической науки и мировой практики хозяйствования это было большой глупостью. Но в официальных кругах Приморья считали, что если Приморский край станет территорией с особым режимом, то все налоги и таможенные пошлины можно будет оставлять здесь. А это уже политика, на такое Москва пойти не могла.

Но корейские бизнесмены очень стремились открыть бизнес в России: в Находке, например, они планировали создать большой технопарк, в котором, по их задумке, должно было работать около 100 компаний.

Для обсуждения этого проекта мы большой делегацией летали в Сеул, где в Правительстве Республики Кореи должны были делать доклад. С улыбкой вспоминаю сейчас то наше путешествие. Помню, как нас встретили на очень

высоком уровне, повели ужинать, все было согласно правилам этикета. Но мы тогда, вчерашние советские ученые, за границей до этого не бывавшие, конечно, этих правил не знали. И вот после ужина возвращаюсь в номер, а на кровати большая коробка, и в ней костюм, белая рубашка, галстук. И так у всех членов делегации. Видно, для выступления в Правительстве Республики Кореи мы были одеты неподходящим образом.

Мы сделали доклад, все прошло хорошо. Потом корейские бизнесмены прилетели к нам, арендовали вертолет и летали над Находкой, выбирая площадку для будущего технопарка.

Когда место для технопарка было выбрано – естественно, это было чистое поле, иностранные инвесторы стали выяснять, какую инфраструктуру собирается здесь создать российская сторона. Например, они спрашивают: «А бывают ли у вас внеплановые отключения электроэнергии?» Наши чиновники в ответ: «Нет, только плановые веерные отключения по всему Приморскому краю» (это как раз было время энергетического кризиса). Потом корейцы интересуются: «А вода сюда будет подведена?» Наши: «Ну что вам

Обсуждая перспективы корейского технопарка в Находке

стоит скважину пробурить?!» «А дороги?» – вопрошают потенциальные инвесторы. «Ну дорогу построить для вас вообще же не проблема!» – звучал ответ представителей приморской администрации. Такая у нас была психология: мы готовы были отдавать в аренду землю в чистом поле, ничего в нее не вкладывая. После длительных переговоров корейцы сказали: мы везде заходим на паритетных началах, и в этот проект 50 % должна вложить российская сторона, то есть создать всю инфраструктуру вокруг этого парка, а мы создадим все внутри.

Наш институт тогда давал рекомендации, что для привлечения иностранных инвестиций на правительственном уровне должны быть приняты соответствующие решения, которые бы гарантировали создание инфраструктуры в местах реализации больших совместных проектов. Но наши предложения услышаны не были, и корейского технопарка в Находке так и не появилось. Хотя, если бы тогда мы реализовали хоть какую-то часть этих планов, сегодня у нас был бы процветающий край.

Визит в Сеул с руководителями Находки, Партизанского района и СЭЗ Находка

Перед заседанием в Правительстве Республики Кореи по развитию СЭЗ Находка

И только сейчас, в ТОРах, мы наконец-то предусмотрели создание инфраструктуры за счет федерального центра: по Надеждинскому ТОРу на эти цели выделено 4,1 млрд. рублей. Но время упущено.

Много проектов было и с Китаем. Например, интересной была работа, которая должна была дать ответ на вопрос: что нам нужно сделать, чтобы в ситуации нарастающей конкуренции мы в АТР выглядели прилично. И первое, что решено было сделать, – связать Владивосток и Шанхай побратимскими связями.

Потом первая делегация наших приморских бизнесменов отправилась в Харбин – там в течение недели шли деловые переговоры, и наш институт выдвинул целый ряд предложений, которые были поддержаны обеими сторонами. Например, зная, что будет развиваться сельское хозяйство, мы предложили построить под Уссурийском завод мини-тракторов. На базе Приморского завода по ремонту измерительных приборов китайцы предлагали поставить линию по сборке видеомagnитофонов. На «Радиоприборе»

планировали собирать телевизоры. То есть была создана целая система проектов, и на переговорах обо всем договорились, все наметили, но из этого тоже тогда ничего не вышло. И случилось это по целому ряду причин. Во-первых, политика нашей страны была в то время с точки зрения экономики не совсем продумана. Во-вторых, к руководству бизнес-структурами пришли люди, которые привыкли работать в социалистических условиях, и вписаться в новые рыночные отношения у них получилось не сразу.

Еще один интереснейший проект был связан с Америкой. Американцы вели тогда проект, он назывался ЭЙПИТИ. Его суть заключалась в оценке лесных ресурсов Дальнего Востока. И к этому исследовательскому проекту они привлекли нас. Нам нужно было дать оценку продуктивности восстановления лесных ресурсов на примере Чугуевского района.

После этой работы посыпался целый ряд предложений от глав администраций районов — перед муниципальными образованиями была поставлена задача разработки собственных стратегий развития. А у меня уже был опыт подготовки подобных стратегий: в начале 90-х я принимал участие в создании новой идеологии развития Владивостока. Тогда многие стали понимать, что Владивосток должен дальше уходить от статуса военного форпоста и становиться финансово-экономическим, политическим, транспортным центром России в АТР. В 1990 году администрация города предложила научной общественности найти управленческие решения, соответствующие новым историческим реалиям. Требовалось найти ответ на вопрос: как город будет развиваться дальше, как он войдет в следующее, XXI столетие? Мне выпала честь возглавить этот мощный интеллектуальный конгломерат. Нас разместили в доме отдыха «Тихоокеанский» на станции Санаторная под Владивостоком, создали условия для плодотворной работы. Началась разработка концепции развития. Мы всерьез задумались о главных цен-

ностных ориентирах Владивостока и пришли к выводу, что Владивосток должен сохранить за собой статус геостратегического, геополитического центра в АТР и на Тихоокеанском побережье страны. В результате родившейся новой концепции — мы предположили, что Владивосток не может стать промышленно-портовым центром и должен развиваться на север — проектировщики стали разрабатывать новый генеральный план города. В этом плане уже закладывалась новая планировка территории, менялась система центров, появлялись новые транспортные развязки, определялась связь города с северными территориями. Сегодня жизнь подтвердила правильность этих выводов.

На этом опыте основывалась и разработка концепций развития различных территорий Приморского края. За работу мы взялись с большим энтузиазмом. Самые интересные проекты мы сделали в Михайловском, Кировском, Пограничном, Хорольском районах, городах Уссурийске и Находке. С этими территориями институт плотно взаимодействовал. Мы выезжали в эти районы и вместе с администрациями работали над прогнозами развития.

Например, перспективой для развития Кировского района мы обозначили санаторно-курортную деятельность. Шмаковские санатории тогда существовали, но с началом рыночных реформ они пришли в запустение. Мы предложили администрации сделать ставку на их развитие. Рекомендовали им взять кредит и провести модернизацию. Мы говорили, что придет новая элита потребителей услуг. Так и получилось. И мне приятно, что сегодня этот курорт по-прежнему существует и является достоянием Приморского края. Кроме этого, мы обосновали там закладку целого ряда бизнес-проектов.

Правда, администрация Кировского района расплатилась с нами не деньгами, а ... лесом. Нашему институту выделили деляну на 1000 кубометров древесины. В то время вообще бартерные отношения были очень распространены

ной практикой. В Михайловском районе, например, с нами предложили расплатиться каменным углем. Я не согласился, взяли пряниками.

Постепенно о нас узнали и представители бизнеса. Большой проект делали с Преображенской базой тралового и рефрижераторного флота, которой руководил тогда Олег Николаевич КОЖЕМЯКО. Мы ездили на предприятие, неделю там работали, и итогом стал бизнес-план для создания нового рыбокомбината. Продукцию предприятия сегодня можно видеть на полках наших магазинов. А рассчитались с нами тогда соленой селедкой в банках. Наш коммерческий отдел активно занимался продвижением всей этой бартерной продукции на рынок. И получалось очень даже неплохо, мы даже выступали снабженцами норвежских судов, заходивших во Владивостокский порт.

Большой проект у нас был с предприятием «Нереида» — к нам они обратились за обоснованием создания марикультурного хозяйства. Компания успешно развивается и сегодня.

Много было в то время интересных и полезных проектов. Сегодня сотрудники этого института иногда собираются вместе, и всегда мы вспоминаем то непростое время тепло. Во-первых, работать было очень интересно, и сейчас приятно осознавать, что то, что мы делали, принесло плоды. А во-вторых, мы с гордостью сегодня можем сказать, что в то время, когда вся наука голодала, мы смогли встроиться в рыночные отношения и зарабатывать научным трудом на жизнь: зарплату за все время существования института мы всегда выплачивали вовремя.

Преподавательская миссия ученого

В научной среде всегда было много споров по поводу того, должен ли ученый, доктор наук нести свои знания в массы. Я придерживался в этом вопросе одной-единственной точки зрения и сейчас остаюсь верен своим убеждениям: если ты состоялся в качестве ученого, стал доктором наук, то ты не можешь, как рак-отшельник, сидеть под камнем и думать над своими идеями. Ты должен делиться своим опытом и знаниями. Поэтому тот багаж, который я приобрел, осуществляя руководство Дальневосточным научным центром, большими и малыми исследовательскими проектами, я всегда старался немедленно передавать своим ученикам. И вся моя жизнь была построена на этом принципе.

Как я уже говорил в предыдущей главе, работы Международного института конъюнктуры и прогнозирования довольно быстро стали известны в Приморском крае, на Дальнем Востоке и, без преувеличения сказать, во всей России — заказов было очень много. Но в то же самое время, параллельно с этой работой, мне посчастливилось организовывать, а потом и возглавлять экономические кафедры в различных высших учебных заведениях.

В 1994 году, практически одновременно с созданием Международного института конъюнктуры и прогнозирования, меня пригласили в Приморский институт подготовки и переподготовки государственных служащих, на кафедру экономики и внешнеэкономической деятельности. На этой же кафедре впоследствии я был избран профессором. Пост губернатора тогда занимал Евгений Иванович НАЗДРАТЕНКО, и им была поставлена задача существенно улучшить подготовку чиновников. В 1995 году я попал в группу руководителей Приморского края, которая была направлена в Москву на двухмесячные курсы повышения квалификации госслужащих федерального уровня. Это был очень интересный период. Мы полетели в Москву на учебу. И там состоялось мое знакомство со многими реформаторами, перед нами выступали Анатолий Чубайс, Егор Гайдар, члены правительства. Мы много полемизировали о том, правильным ли курсом идет страна, осуществляя приватизацию. После окончания учебы все студенты прошли тестирование: система тщательной оценки кадров для государственной службы тогда только начинала формироваться. Таким образом, я попал в кадровый резерв, и когда позднее губернатором стал Сергей Михайлович ДАРЬКИН, меня пригласили в администрацию Приморского края в качестве руководителя отдела финансового мониторинга.

В ту пору, как я уже говорил, я заведовал кафедрой «Финансы и кредит» в Дальрыбвтузе. Мы с коллегами создали ее с нуля, и через несколько лет существования она уже стала показывать первые научные результаты. В 2000 году я возглавил кафедру мировой экономики ДВГУ. Здесь в тот период тоже началась интереснейшая работа, связанная с выполнением гранта фонда Сороса. Конкурс на получение гранта был объявлен на всю Россию, мы подали на него заявку, даже не надеясь на то, что можем выиграть. И каково же было мое удивление, когда мне позвонили из Москвы и сообщили: мы попали в число финалистов. Я полетел в Москву

на заключительный этап. Мы проходили через целый ряд собеседований с представителями фонда, и из 76 претендентов было отобрано 22 получателя гранта. Я не предполагал, что стану победителем, но под номером 22 прозвучала моя фамилия.

Помню, насколько я был счастлив, когда вышел получать этот документ. Сумма гранта составляла 180 тысяч долларов США в поддержку кафедры на три года. И после этого, можно сказать, наступил новый этап моей профессиональной деятельности: я вплотную занялся подготовкой научных кадров.

Здесь я должен сказать несколько добрых слов в адрес США. В тот период становления новой российской экономики американские фонды очень здорово поддерживали развитие бизнеса в России. И, может быть, это никак не вяжется с нынешним состоянием наших отношений, но лично у меня к этой стране остаются теплые чувства: в Америке у меня много коллег, с которыми мы продолжаем взаимодействовать.

За время работы по этому гранту нашей кафедрой было подготовлено большое количество кандидатов наук, которые заняли достаточно высокие посты в бизнесе и властных структурах. Например, в нашем диссертационном совете защитил кандидатскую диссертацию Александр Иванович СТРОМИЛОВ, бывший в ту пору финансовым директором НБАМР. Сейчас он работает в Москве. Из Находки ко мне в аспирантуру приехал Александр Анатольевич МЕЧЕТИН, который вот уже много лет возглавляет компанию «Синергия», а тогда он занимался модернизацией и техническим перевооружением Находкинского мясокомбината. Именно этой теме была посвящена его кандидатская диссертация.

Были защиты, связанные с международным сотрудничеством. Так, по теме сотрудничества с Республикой Корея защитился Алексей Юрьевич СТАРИЧКОВ. Сегодня он возглавляет департамент международного сотрудниче-

ства Приморского края. Моя аспирантка Елена Валерьевна САПРЫКИНА в настоящий момент является заместителем проректора по международным связям ДВФУ, а аспирантка Марина Дмитриевна КУЗЬМЕНКО руководит департаментом экономики в администрации г. Владивостока.

Среди моих аспирантов были не только молодые люди из Приморья, но и жители Хабаровска, Благовещенска, Камчатки, Сахалина.

Был подготовлен и опубликован целый ряд монографий по самым актуальным проблемам реформирования предприятий различных отраслей экономики региона, а также по исследованию условий для привлечения на Дальний Восток иностранных инвестиций.

На основе выполненных кандидатских и докторских диссертаций состоялась научная школа. Всего на сегодняшний день под моим руководством защитилось 58 кандидатов и 6 докторов экономических наук. Это огромный потенциал для развития экономической науки Дальневосточного региона.

10 лет назад я получил предложение от Геннадия Иннокентьевича ЛАЗАРЕВА, ректора ВГУЭС, с которым я был знаком еще по совместной работе в студенческом конструкторском бюро, перейти на работу во Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Ректор поставил мне интересные задачи: во-первых, нужно было открыть при вузе докторский совет по экономике, во-вторых, выполнить цикл работ и создать вокруг себя коллектив, который бы усилил экономическую составляющую университета. Эта задача была выполнена: через 2 года нам открыли докторский совет по двум направлениям – «Экономика предпринимательства» и «Управление инновациями». В этом совете в последующие годы защитилось 85 человек со всего Дальнего Востока. Во ВГУЭС я подготовил четырех докторов наук, в том числе здесь защищалась нынешний

10 лет назад по приглашению Геннадия Иннокентьевича Лазарева, Александр Латкин пришел во ВГУЭС

Вручение наград участникам молодежной научной конференции

ректор нашего университета, профессор Татьяна Валерьевна ТЕРЕНТЬЕВА.

Вслед за этим началась работа, связанная с выполнением исследований. Особенно крупный проект, который был нам доверен, — это комплексное обследование пассажиропотока во Владивостоке. Он проводился впервые за последние 30 лет и был интересен своими конечными результатами: на выходе мы должны были дать рекомендации городской власти относительно организации перевозок.

На эту работу мы выиграли тендер администрации Владивостока, но тогда не все в ректорате меня поддерживали, многие опасались, что нам такой масштабный проект будет не по плечу. Ведь нужно было за два дня по специально разработанной методике посадить в каждый вид транспорта с 6 утра и до 11 вечера одного или двух наших представителей. То есть численность занятых в проекте должна была составлять порядка 6000—7000 человек. Но здесь нас поддержал Геннадий Иннокентьевич, и мы эту работу сделали. Кстати, выпускники ВГУЭС, которые тогда участвовали в этом деле, до сих пор с улыбкой вспоминают этот опыт — для них это было интересно, масштабно и значимо. Они понимали, что принимают участие в деле, которое реально важно и нужно нашему городу.

После анализа результатов мы пришли к целому ряду очень интересных выводов. Во-первых, мы сказали, что Луговая — это узловая транспортная точка Владивостока. Согласно нашим данным, с площади Луговой в сторону города в сутки уезжает до 110 тысяч человек. И тогда мы рекомендовали строительство моста через бухту Золотой Рог. Можно сказать, это были первые серьезные обоснования этого строительства.

Второе открытие заключалось в том, что исследование выявило значительные структурные изменения, произошедшие во Владивостоке за последние 10 лет. Во времена советского строительства жилые зоны и социальная

инфраструктура располагались вокруг крупных предприятий. Одна такая зона была на Багратиона, где работало сразу три завода, другая — на Чуркине в районе Рыбного порта, третья — вокруг фабрики «Заря». В 2009 году, когда проводилось исследование, эти предприятия значительно снизили темпы работы или вовсе закрылись, а значит, люди, живущие поблизости, устремились в центр города. То есть сформировались новые пассажиропотоки. Это второй фактор, который мы вскрыли.

Третий фактор касался трамвайных путей. Мы обосновали, что эти пути мешают жизни города, и, как все знают, вскоре их убрали с центральных улиц. Кроме этого, мы выявили, что значительная часть населения переехала и продолжает переезжать жить за город, а на работу во Владивосток стали ездить жители Артема, Вольно-Надеждинского, Трудового. Это требовало расширения трассы на выезде из города, что и было сделано впоследствии.

Еще один вывод касался нашего общественного транспорта. Мы предложили убрать маленькие автобусы и заменить их большими. Настоятельно рекомендовали мы тогда городским властям развивать муниципальный транспорт, как это делается в Ниигате, например, и спустя годы мы видим итоги той нашей работы.

Работая во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса, мы с коллегами выполнили и еще целый ряд интереснейших проектов. Я горжусь тем, что наш коллектив принял участие в подготовке к саммиту АТЭС: по заказу администрации Владивостока мы делали экономическое обоснование социально-экономической целесообразности развития дорожно-транспортной сети острова Русский.

Совсем недавно была завершена работа, связанная с запуском на заводе «Дальприбор» линии по производству светодиодных ламп. Довольно часто к нам обращаются приморские и зарубежные предприниматели с заказами на

На открытии «ЭКОХАУСА». На это изобретение в 2011 году был получен патент

исследования конъюнктуры различных рынков. Например, не так давно мы завершили проект, связанный с обоснованием создания в Хасанском районе перерабатывающего комплекса на базе марикультурного хозяйства «Нереида», бизнес-план для которого мы когда-то создавали в недрах Международного института конъюнктуры и прогнозирования. Такой комплекс позволит не просто экспортировать живой гребешок, но и производить на его основе фармацевтическую продукцию.

Еще одна интересная задача, которую мы сейчас решаем, — это экономическое обоснование создания в Приморье предприятия по воспроизводству краба. Так что сегодня наша университетская жизнь наполнена не только тем, что читаем студентам лекции, работаем с магистрантами и аспирантами. Мы активно вовлекаем молодежь в наши научно-исследовательские проекты. И мне приятно осознавать, что дело, с которого начиналась моя трудовая биография,

На втором международном магистерском конгрессе в г. Харбин

Рабочие будни директора института

Мастер-класс по маркетингу для студентов Харбинского коммерческого университета

Встреча с претендентами на золотые медали

руководство студенческим конструкторским бюро, сегодня продолжается. Только тогда, 40 лет назад, я сам был не намного старше студентов, сотрудников СКБ, а сейчас я снова работаю с молодыми людьми, уже не являясь их ровесником. Но они помогают мне оставаться молодым душой и поддерживать привычный ритм жизни.

Моя работа по подготовке научных кадров не прошла незамеченной: два года назад мои заслуги были отмечены званием заслуженного работника высшей школы. Это достаточно серьезная награда. Мне ее вручил лично губернатор Приморья Владимир МИКЛУШЕВСКИЙ в присутствии вице-преьера правительства Ольги ГОЛОДЕЦ на открытии Приморского театра оперы и балета.

Но и на подготовке подрастающей смены, на мой взгляд, обязанности состоявшегося ученого не заканчиваются. Я глубоко убежден в том, что научная элита должна более полно участвовать в жизни региона, выступая экспертами по тем или иным проектам. Ведь докторов наук у нас сегодня довольно много, а вот на страницах газет и журналов мы практически не видим их смелых и грамотных экспертных оценок.

Я свой долг в этом плане, как мне кажется, выполняю. Ко мне постоянно обращаются представители региональной, федеральной и зарубежной прессы. Приятно осознавать, что ты нужен людям как эксперт. Хотя целый ряд осуществленных и неосуществленных проектов последних лет показывают: многие из них не в полной мере состоялись потому, что у них не было хорошей экспертизы.

Взять пример с гостиницами «Хаятт». Ведь экспертное сообщество никак не оценивало перспективы их строительства. Я, например, даже не занимаясь этими проектами вплотную, понимал, что их востребованность на рынке — очень большой вопрос.

Или запуск во Владивостоке аэроэкспресса. С самого начала было видно, что этот проект, на который были потрачены государственные деньги, явно некупаем. Ведь Владивосток не Москва, и пассажиропоток здесь не такой, как в Шереметьево или Домодедово. А для того, чтобы все это окупалось, надо, чтобы каждые полчаса электричка выходила из Владивостока и была бы не менее чем на 70% заполнена. В своем экспертном заключении я это изложил.

Интервью японской телекомпании

Интервью Вьетнамскому центральному телеканалу

Встреча с новым генеральным консулом Республики Корея во Владивостоке

Открытие первого российско-корейского форума знаний

И жизнь подтвердила правильность моих предположений: первый год работы аэроэкспресса принес более 100 млн. убытков, второй год – еще столько же. В настоящее время реализация проекта приостановлена.

Принимал я участие как эксперт и в таком грандиозном проекте, как подготовка к строительству объектов саммита АТЭС. Меня пригласили оценить варианты места проведения этого мероприятия. Мало кто сейчас помнит, но тогда рассматривалось три варианта. Первый – в районе Седанкинского водохранилища. Второй – на Шаморе. И только третий – на острове Русский. Эти предложения были одинаково хорошо проработаны Министерством экономического развития. Просмотрев три тома документации, я отдал предпочтение варианту на Седанке. Я вспомнил тот период, когда мы работали над концепцией развития открытого города Владивостока и зафиксировали: Владивосток должен развиваться на север. Тогда за эту концепцию проголосовало порядка 60 ученых. Это обуславливалось тем, что на

севере лучше климат и больше возможностей для развития транспортной инфраструктуры. На второе место я поставил Шамору и только на третье – остров Русский. Но, к моему большому сожалению, было принято другое решение.

Сейчас, как мне кажется, экспертное сообщество больше привлечено к участию в проектах. Например, проект ВКАД тщательно обсуждается, в том числе и в научной среде. ТОРы, свободный порт Владивосток – по этим программам тоже идут публичные дискуссии, после которых в проекты вносятся соответствующие коррективы. Не так давно я принимал участие и в экспертизе по стратегии развития Владивостока до 2025 года. Этот документ готовился в московских кабинетах. Но когда я взялся за изучение документов, то увидел: многое из того, что мы когда-то делали, московскими разработчиками было взято за основу. Это приятно, что труды, подготовленные научными коллективами, сегодня являются фундаментом для будущего развития.

Есть ли будущее у большой науки?

Сейчас, когда прошло уже так много лет с того времени, когда интенсивно развивался Дальневосточный научный центр, наступили совсем печальные времена. В начале рыночных реформ резко упало финансирование науки, сократилась численность научных сотрудников, но долгое время сохранялась выстроенная научная структура. Безусловно, на первом этапе реформирования в начале 90-х были допущены определенные ошибки, но принцип построения научной системы оставался прежним. Не так сильно, как сейчас, сокращался и фонд финансирования: за счет достаточно масштабного сокращения научного контингента, которое было проведено в те годы, существенно улучшилось материальное положение тех ученых, которые остались работать в Дальневосточном отделении РАН.

То, что произошло в последние 10 лет, уже можно назвать целенаправленным процессом разрушения академической науки. С моей точки зрения, для этого есть субъективные и объективные предпосылки.

К субъективным причинам я бы отнес тот факт, что наше молодое российское правительство во многом

заимствовало американскую модель рыночной экономики. В США ведь никогда не было академии наук. И в ту пору, когда молодые реформаторы приступили к созданию нашей российской экономической модели, разговоры об упразднении Академии наук велись, и они привели к реальным действиям.

В первую очередь радикально изменилась система высшего образования. Россия стала участником Болонского процесса и осуществила переход к трехступенчатой модели образования. Для многих университетских руководителей и профессуры этот переход оказался непростым. То, что было у нас наработано десятилетиями, — лекции, экзамены, зачеты, студенческие практики, в одночасье было изменено. Бакалавриат и магистратура стали обязательным атрибутом любого университета. И это привнесло в нашу жизнь большую долю неопределенности. Возникло много споров: надо ли читать традиционные лекции или достаточно того, чтобы студенты знакомились с материалом в электронном виде? Надо ли принимать экзамены или перейти на вариант тестирования? Дискуссии по этим вопросам идут до сих пор. Но мы, профессура старшего поколения, придерживаемся мнения, что никто и никогда не может заменить студентам лекцию с профессором. Кстати, совсем недавно я прочитал результаты финских исследований, в ходе которых провели опрос студенчества по этой тематике, и оказалось, что 80 % студентов считают именно лекции наиболее эффективной формой получения знаний.

Вслед за реформой высшего образования стали возникать разговоры об упразднении Академии наук. В пример снова приводилась Америка, где наука активно развивается в двух секторах — вузовском и корпоративном. Но в России научная система всегда была совершенно иной. Более того, сегмент корпоративной (или заводской, как в советское время принято было говорить) науки в нашей стране всегда был достаточно слабо развит.

Зарубежные страны шагнули в этом процессе достаточно далеко. Крупные корпорации имеют мощнейший научный потенциал, из своей прибыли компании финансируют содержание ученых. Причем эти ученые работают не только в профильном направлении деятельности компании, но и по смежным темам. Мы тоже захотели этим путем пойти. Но у нас не было для этого серьезных предпосылок, потому что у нас нет большого количества крупных частных корпораций, способных содержать науку.

Есть еще одна причина изменившегося отношения к науке со стороны государства, и нам, людям старшего поколения, о ней говорить особенно неприятно. Это вскрывшиеся в последние годы случаи плагиата. Печально, но факт: коррумпированность нашего общества, поразив экономику, дотянулась и до науки.

И на моих глазах в последние 10 лет было много защит кандидатских и докторских диссертаций людьми, которых я никак не видел большими учеными. Самое неприятное, что пример этому показывали руководители территорий, государственные чиновники.

Дело дошло до того, что один из руководителей Высшей аттестационной комиссии как-то заявил, что они устали рассматривать кандидатские и докторские диссертации мэров городов, глав администраций, губернаторов. «Может, просто каждому назначенному или выбранному мэру будем сразу выдавать корочку кандидата наук?!» — говорил тогда глава ВАК. Но это были разговоры, а процесс продолжал идти. Кандидатом наук стал Сергей Михайлович ДАРЬКИН, громогласно заявив, что через два-три года он защитит докторскую диссертацию. Стал доктором экономических наук Виктор Иванович ИШАЕВ, докторскую степень получил и ныне находящийся под следствием экс-губернатор Сахалинской области Александр Вадимович ХОРОШАВИН. Многие главы муниципальных образова-

ний последовали их примеру: стало не модным, являясь чиновником определенного уровня, не иметь степень кандидата или доктора наук.

Это был плохой пример для подражаний, потому что вслед за этим в России появился бизнес, построенный на написании кандидатских и докторских диссертаций. Написание, защиту в совете, научные публикации появились свой прайс. Вследствие этой ситуации в недрах Министерства образования и науки была инициирована проверка, которая показала, что за последние годы в России защищено несколько тысяч липовых кандидатских и докторских диссертаций. Эта информация дошла до высших руководителей страны. И у них было основание ахнуть и срочно начать реформирование всей научной системы.

Я, как человек, проживший интересную жизнь, почетному написавший и защитивший докторскую диссертацию, и мне подобные люди поддерживали эти начинания. Кстати, иностранные профессора мне довольно часто задают вопрос о том, когда я защитился — в советский период или во времена преобразований? Защита в дореформенное время вызывает у них гораздо больше уважения.

Но качество подготовленных кандидатов и докторов наук, с моей точки зрения, проверяется не только тем, когда и где ты защитился. Качество, по моему глубокому убеждению, проявляется в последующей работе. Я всегда говорю своим аспирантам: «Да, ты можешь формально стать кандидатом наук. Но, прости, если ты не можешь подготовить хорошую статью, то ты не кандидат. А тем более, если ты доктор наук и не имеешь свой курс лекций, которые читаешь студентам, не пишешь книги по своей тематике, не издаешь монографии, не выступаешь со своими экспертными заключениями в прессе, то ты не доктор наук».

Впрочем, на это сегодня обратило внимание и Министерство образования и науки, создав систему мониторин-

га университетского сообщества, в которой есть показатели, позволяющие дать объективную оценку университету. В частности, сегодня стало важным, сколько публикаций сделал ученый, кандидат или доктор наук в журналах перечня Высшей аттестационной комиссии и в цитируемых международных журналах типа Scopus, сколько монографий написал, сколько имеет аспирантов. Это правильный подход. Но вместе с тем в силу коррумпированности нашего общества опять возникли лазейки для тех, кто не хочет или не способен это делать самостоятельно. Интернет забит предложениями написать и разместить за деньги статью в цитируемых научных журналах.

Это, к сожалению, печальная страница российской науки. Но эти субъективные причины, на мой взгляд, вполне могут быть устранены.

Вместе с тем развалу российской науки способствовал и целый ряд объективных факторов. И, с моей точки зрения, главный из них заключается в том, что государство утратило способность грамотно и эффективно управлять наукой. Это случилось в первый период осуществления рыночных реформ. Можно много критиковать то, что было раньше, но все-таки при той стройной системе организации Академии наук, отраслевых институтов, их взаимодействия с вузами и производством формировался государственный заказ. И государственный комитет по науке и технике, исходя из потребностей национальной экономики и общества, этот заказ осуществлял, а институты его в плановом порядке выполняли. Сейчас этого комитета нет. Та система ушла в прошлое, отраслевые институты в большинстве своем упразднены, а Академия наук оказалась в оторванном от экономики состоянии. Прежняя система поломалась, а на смену ей пришла грантовая система поддержки ученых. Но она, к сожалению, не может полностью заменить ту стройную систему управления развити-

ем науки, которая существовала в России на протяжении долгих лет.

Сегодня многие политики, оценивая то, что произошло, делают, к сожалению, неутешительные выводы, подчеркивая ошибочность многих принятых тогда решений. В частности, на уровне президента и премьер министра признана необходимость сохранения научных школ, на создание которых были потрачены десятки лет. Но пока мы идем другим путем: упразднены многие институты, создаются новые структуры, необходимость которых не вполне очевидна. Например, принято решение о создании Сколково. На этот проект затрачены огромные деньги. Хотя многие видные ученые говорили о том, что такой проект можно было реализовать на базе Новосибирского Академгородка, Дальневосточного отделения РАН и других мощных структурных подразделений Академии наук. Но было принято другое решение.

А жизнь оказалась сложнее надежд, связанных со Сколково. Как пишет в своей последней книге «Россия: надежды и тревоги» Евгений ПРИМАКОВ, «критика проекта заключается, прежде всего, в том, что создаются уникальные условия, тратятся миллиардные суммы для нового строго ограниченного центра, вместо того, чтобы дать эти средства уже существующим и прекрасно зарекомендовавшим себя научным учреждениям. Другим мотивом для критики было неверное представление о том, что строительство нового города Сколково, а на это привлекалась значительная, если не большая часть финансирования из бюджета, стимулирует иностранных инвесторов, которые привнесут в Сколково свои передовые технологии. Но пока этого не происходит. Лауреат Нобелевской премии Жорес АЛФЕРОВ на встрече 16 октября 2014 года с журналистами заявил, что «говорить о Сколково как о состоявшемся проекте рано, он большей частью создан на бумаге».

Вместе с тем генеральная прокуратура уже обнаружила целый ряд финансовых нарушений в работе фонда Сколково. Например, около 2,1 млрд. рублей в нарушение условий грантовых соглашений было отвлечено от научной деятельности и размещено на депозитных счетах. Полученные в виде грантов денежные средства перечислялись в виде беспроцентных займов в том числе аффилированным организациям.

Отсутствует сегодня в стране и единая промышленная политика, единая информационная база, единый координирующий центр научно-технологических разработок, каким был в свое время Госкомитет по науке и технике. Как отмечает Евгений Примаков, планы и стратегии разрабатываются в правительственных структурах и не стыкуются с собственными планами корпораций, в том числе и вертикально интегрированных. Разорвана цепочка от фундаментальных исследований к опытно-конструкторским разработкам и далее к производству серийной продукции.

Во времена создания Дальневосточного научного центра мы четко понимали, что фундаментальные исследования должны в конечном итоге закончиться опытно-экспериментальным производством. И такие примеры есть во многих институтах ДВО РАН. Но в целом сегодня нет комитета по науке и технике, нет обоснованных заказов. И нет тех возможностей, которые существовали раньше по доведению результатов фундаментальных исследований до опытно-экспериментального и массового производства. Сейчас эту систему с переменным, на мой взгляд, успехом стараются создать вновь. Но мне представляется, что уже начались необратимые процессы.

Поэтому в сегодняшних условиях задачей государства можно считать выстраивание финансового механизма, нацеленного на развитие прорывных технологий, и поддер-

жку носителей прорывных идей при бережном сохранении научных школ. Имеется дефицит и профессиональных инженерных кадров, способных успешно решать задачи инновационного развития. Поэтому сегодня, бесспорно, нужно перейти от разговоров к воссозданию профессионально-технической образовательной системы, разрушенной в 90-е годы, которая была настоящей кузницей кадров. Разве не настораживают цифры, что Россия уступает в целом по уровню финансирования науки Германии более чем в 2 раза, Японии – более чем в 4 раза, в 6 раз Китаю и в 11 раз США? Если кто считает, что задача решается за счет научно-исследовательские и опытно-конструкторских разработок, проводимых компаниями, то он заблуждается. Наши компании тратят в 4 раза меньше, чем израильские и южнокорейские и в 3 с лишним раза меньше, чем финские и японские.

Глобальный процесс, происходящий в российской науке, не обошел стороной и Дальний Восток. Теперь, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю интереснейший период, связанный с развитием большой науки на Дальнем Востоке, я вижу, что развитие идет циклично. С начала 70-х по начало 90-х мы шли в гору, многое было сделано, и вершина была взята. Не без противоречий и сомнений, конечно, но результат был налицо. Теперь наступил следующий цикл – наука катится с горы: сократилось финансирование, численность научного контингента, но самое страшное, как мне кажется, – исчезла система планирования и контроля, которая была создана в советское время. Если раньше план каждого института проходил двойное-тройное сито отборов, согласований, то сейчас этого нет.

Вместе с тем, на мой взгляд, параллельно с общероссийскими тенденциями снижения интереса государства к науке ослабло и участие в тематике научных учреждений наших региональных властей.

Иногда ситуация доходит до парадоксов: глава администрации района говорит, что готов сам написать стратегию развития. Или в региональных органах власти считают, что исследования тех или иных вопросов не нужны, так как чиновникам как никому другому известно реальное положение дел.

Нет востребованности результатов научных исследований и со стороны реального сектора экономики. Насколько много было заказов в прежние времена, настолько сейчас трудно получить даже небольшие заявки на исследования.

Честно скажу, что лично ко мне приходит много заказчиков. Но им нужны в основном бизнес-планы. И они готовы платить исследователю лично, а не нанимать для этих целей научные коллективы.

Что касается Приморского края, то здесь ситуация особенно удручающая. За последние 10–20 лет исчезли из нашего реального сектора экономики крупные предприятия, которые могли реально нуждаться в каких-то научных исследованиях. Если в прежние времена у нас было порядка 500 предприятий, и в их числе были очень крупные производственные объединения, они были активными игроками на научно-производственном поле, у которых можно было взяться за проблему научно-исследовательскому институту и эту проблему решать, то сейчас этих предприятий нет. Либо они есть, но их владельцы находятся в Москве и размещают заказы на научно-исследовательские работы в столичных институтах. И такая ситуация наблюдается во всех регионах Дальнего Востока, за исключением, может быть, Сахалина, где реализуются нефтегазовые проекты, и Амурской области, где идет строительство космодрома Восточный.

Может быть, когда-то у нас все-таки возникнут нефтехимический, кораблестроительный, рыбоперераба-

тывающий, туристско-рекреационный кластеры, но пока этого нет. И с моей точки зрения, это является объективной причиной того, что наука сокращается. Если говорить о моем мнении, то, на мой взгляд, в этом есть закономерность. Нельзя обижаться нашим ученым из президиума ДВО РАН, директорам институтов на то, что государство их плохо финансирует. Государство понимает, что численность населения на Дальнем Востоке устойчиво сокращается вслед за сокращением производственного потенциала. Реально действующих крупных предприятий нет, и, самое главное, государство слабо верит в то, что степень развития территории вернется хотя бы на уровень 70–80-х годов, когда явно чувствовалась потребность в этих научных исследованиях.

Но самая главная проблема, на мой взгляд, сегодня заключается в том, что региональная власть отвернулась от науки. А именно она должна сесть с учеными за дискуссион-

Ученые неоднократно выступали против политики, проводимой правительством в отношении науки

ный стол и определить, какие научные направления необходимы экономике, а от каких можно отказаться.

Оглядываясь назад и оценивая то, что есть сегодня в Дальневосточном отделении ДВО РАН, можно с уверенностью сказать, что сделано многое, и потенциал для дальнейшего развития огромен. И когда сейчас я беру в руки сборник «Научно-технические разработки Дальневосточного отделения РАН», я вспоминаю, что когда мы только создали в ДВНЦ отдел внедрения, таких разработок набиралось с десятков. Сегодня их сотни. И особенно радует, что именно те направления, которые мы начинали развивать тогда, нашли свое продолжение и оказались нужными экономике.

Например, те исследования, которые в свое время начинал Израиль Ицкович БРЕХМАН, разрабатывая теорию желтого сахара и изучая влияние даров Дальневосточной земли на здоровье человека, сегодня вылились в производство целого ряда биологически-активных добавок — разработки Тихоокеанского института биоорганической химии защищены патентами РФ. Среди них, например, препарат «Неомитилан» — биологически активная субстанция из морской мидии, которая может быть применена для лечения ожогов и ран, а также в косметической промышленности. Или «Фуколам» из бурых водорослей, оказывающий выраженное противовирусное действие, снижающий уровень холестерина и сахара в крови.

Когда-то в студенческом конструкторском бюро мы делали первый глубоководный аппарат. Сейчас смешно вспомнить, что это была цилиндрическая бочка, способная опускаться на глубину до 1000 м. Сегодня Институт проблем морских технологий создал целую серию аппаратов, в том числе автономный обитаемый аппарат «МТ-2007», малогабаритный атономный обитаемый аппарат «ММТ-2010», способный опускаться на глубину более 3000 метров, солнечный подводный аппарат и другие образцы

*Флаг Института проблем морских технологий
на Северном полюсе*

подводной техники, которые впечатляют, без преувеличения, весь мир.

Вполне конкретные результаты, которые востребованы экономикой, получены и в Институте химии, возглавляет который президент ДВО РАН, академик Валентин Иванович СЕРГИЕНКО. После цунами в Японии и разлива радиоактивных отходов именно к нашим ученым японские власти обратились за помощью — в недрах Института химии создана сорбционно-реагентная технология очистки жидких радиоактивных отходов, а также гидрофобизированные сорбенты для очистки воды. И такие примеры есть

Испытания подводной техники

*Институт химии ДВО РАН получил к своему 40-летию
новый 7-этажный корпус*

в каждом институте ДВО РАН – от Камчатки до Благовещенска.

Сегодня нельзя разрушить все до основания, а потом, когда сегодняшние инициативы будут претворены в жизнь и начнется обещанный рост, создавать все заново. Ведь осталась еще научная материальная база и кадровый потенциал, которые могли бы принести пользу российскому Дальнему Востоку и вывести его на инновационный путь развития.

Александр Павлович Латкин

Экономика научных открытий

*Размышления ученого о становлении науки
на Дальнем Востоке, ее сегодняшнем дне
и перспективах*

Редактор *Е. Ю. Ардальянова*
Технический редактор *В. М. Мошкина*
Оператор верстки *С. В. Филатов*
Фото на обложке *Романа Савина*

Подписано к печати 17.09.2015 г.
Печать офсетная. Формат 60х90/16. Бумага мелованная.
Усл. п.л. 8. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 1000 экз. Заказ 73

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7
Тел. 231-23-59. E-mail: dalnauka@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в Информационно-полиграфическом
хозрасчетном центре ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

ISBN 978-5-8044-1567-0

9 785804 415670